

Садовые чары

Автор:

[Сара Аллен](#)

Садовые чары

Сара Эдисон Аллен

В саду за высокой оградой стоит фамильный дом Уэверли. Среди прочих чудесных растений в этом саду есть яблоня, которая дает совершенно особенные яблоки – считается, что они помогают предсказывать будущее. Да и всех женщин Уэверли можно назвать совершенно особенными. Они обладают необычными талантами. Клер может из любого цветка, из любой травы, растущей в ее саду, приготовить такое кушанье, что пальчики оближешь. Старая тетушка Эванель делает людям неожиданные подарки, смысл которых открывается гораздо позже. А вот каким талантом может похвалиться Сидни, младшая сестра Клер, пока неясно. Она только что вернулась домой после долгого отсутствия, вернулась туда, где надеется обрести душевный покой. Но тени прошлого тянутся следом, напоминая о том, от чего она бежала без оглядки...

Сара Эдисон Аллен

Садовые чары

Маме с любовью

Спасибо папе за полученную по наследству упорную страсть к писательству и за истории о его дедушке, благодаря которым на свет появился Лестер. Безграничная благодарность чудесной Андреа Кирилло и поразительной Келли Хармс. Большое спасибо Шоне Саммерс, Ните Тоблиб, Каролин Мэйс и Пегги Горджин. Огромное спасибо хитрым Дуэттерам и Дафне Эткисон, которые

подвигли меня сначала написать, а потом и довести до ума эту книгу. Благодарю также Мишель Питтман (целых два раза!) и Хайди Хенсли, которым нужно поставить памятник за их долготерпение и верную дружбу. Отдельное спасибо мисс Снарк. И низкий поклон Дону Хьюзу, парикмахеру от бога, который помог мне достоверно описать будни салона красоты.

Sarah Addison Allen

GARDEN SPELLS

Copyright © 2007 by Sarah Addison Allen

All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка®

Часть первая. Взгляд в прошлое

Глава 1

Всякий раз, когда после новолуния впервые выходил молодой месяц, Клер неизменно снилось детство. Она старалась не спать в эти ночи, когда на небе мерцали звезды, а тонкий серпик луны улыбался в вышине той дразнящей улыбкой, какой лучились красотки со старых рекламных плакатов, призывающих

покупать сигареты и лимонад. Летом в такие ночи Клер отправлялась в сад пропалывать и подстригать клумбы с ночными цветами: луноцветом, дурманом, ночным жасмином и душистым табаком. Они не были частью наследия Уэверли, состоявшего из съедобных растений, но Клер разводила их, чтобы было чем заняться бессонными ночами, когда она бывала так взвинчена, что от досады у нее начинал тлеть подол ночной сорочки, а с кончиков пальцев срывались язычки пламени.

Снилось ей всегда одно и то же. Бесконечные змеящиеся дороги. Ночевки в машинах, когда мать отправлялась на очередное свидание в какой-нибудь бар или сомнительную забегаловку. Стояние на стреме, пока мать украдкой запихивала в сумочку шампунь, дезодорант или помаду, а иногда и шоколадный батончик для маленькой Клер в одной из бесчисленных придорожных лавчонок Среднего Запада. Потом, уже перед самым пробуждением, непременно появлялась ее сестра Сидни, окруженная сияющим ореолом. Лорелея подхватывала Сидни на руки и скрывалась за дверью фамильного дома Уэверли в Бэскоме, а Клер не оставалась в одиночестве лишь потому, что мертвой хваткой вцеплялась в материнскую ногу и не выпускала ее.

В то утро, проснувшись в саду за домом, Клер ощутила во рту привкус раскаяния. Нахмурившись, она сплюнула. Ей было стыдно за то, как она в детстве обращалась с сестрой. Просто все шесть лет ее жизни до появления Сидни были наполнены постоянным страхом, что они попадутся, что их обидят, что у них не будет еды, бензина или теплых вещей на зиму. Мать всегда ухитрялась как-то выкрутиться, но это каждый раз происходило в самую последнюю минуту. В конечном итоге они ни разу не попались, Клер никто и пальцем не тронул, а когда листва на деревьях вспыхивала яркими красками, предвещая скорые холода, мать, словно по волшебству, добывала где-то голубые варезки с белыми снежинками, розовые теплые штанишки, которые полагалось поддевать под джинсы, и шапку с большим мохнатым помпоном. Для Клер эта кочевая жизнь была достаточно хороша, но Лорелея, очевидно, сочла, что Сидни заслуживает большей стабильности. Этого Клер, в душе маленькая испуганная девочка, простить сестре так и не смогла.

Она подобрала секатор и лопатку, неловко поднялась и в предрассветной мгле двинулась к сараю, потом вдруг остановилась и обвела взглядом сад. Вокруг было тихо и сыро; своенравная яблоня за домом еле заметно подрагивала, как будто ей что-то снилось. Этот сад возделывали многие поколения Уэверли. Эта земля олицетворяла собой их прошлое, но также и их будущее. Что-то назревало

– что-то такое, о чем сад пока еще не готов был поведать Клер. Следовало держать ухо востро.

Она дошла до сарая, тщательно обтерла старые инструменты от росы и развесила их на стене. Потом закрыла и заперла на замок массивную садовую калитку и через дорожку двинулась к величественному дому в стиле королевы Анны, который она унаследовала от бабки.

Клер вошла в дом через черный ход, по пути заглянув на веранду, где она сушила и сортировала цветы и травы. На нее немедленно пахнуло лавандой и мятой, словно она очутилась в чьем-то чужом воспоминании о Рождестве. Клер через голову стянула перепачканную землей белую ночную сорочку, скомкала ее и, обнаженная, вошла в дом. День обещал выдаться напряженным. Вечером ей предстояло обслуживать банкет, а поскольку был последний вторник мая, нужно еще отвезти партию мятного желе с лепестками роз и сирени и настоянного на жерухе и шнитт-луке уксуса на рынок и в деликатесную бакалейную лавку на площади, где после уроков вечно толклись ученики из Орионовского колледжа.

Клер закалывала волосы гребнями, когда в дверь постучали. Она как была, в белом сарафане в горошек и босиком, спустилась вниз и улыбнулась при виде стоявшей на пороге пожилой дамы.

Эванель Франклин было семьдесят девять лет, а выглядела она на все сто двадцать, однако это не мешало ей пять дней в неделю совершать прогулку в милю длиной по стадиону Орионовского колледжа. Эванель приходилась Клер дальней родственницей, не то двоюродной, не то троюродной теткой; кроме них с Клер, в Бэскоме Уэверли больше не осталось. Клер была очень к ней привязана. Старая дама осталась единственным близким ей человеком с тех пор, как Сидни, едва той исполнилось восемнадцать, уехала из города, и в том же году умерла их бабка.

Когда Клер была девочкой, Эванель частенько заглядывала к ним, чтобы дать ей то лейкопластырь за несколько часов до того, как Клер разбивала коленку, то немного четвертаков, когда ничто еще не предвещало появления на их улице фургона с мороженым. А однажды она принесла Клер карманный фонарик за две недели до того, как в дерево на их улице ударила молния и вся округа целую ночь просидела без электричества. Когда Эванель приносила какую-то вещь, она рано или поздно оказывалась совершенно необходимой, хотя кошачьей подстилке, которую пожилая дама вручила Клер пять лет назад, пока что еще

только предстояло найти применение. Местные жители в большинстве своем беззлобно смеивались над чудаковатой старушенцией, да и сама Эванель не воспринимала себя слишком серьезно, но Клер знала, что за странными подарками пожилой дамы всегда что-то кроется.

– Нет, с твоими темными волосами и в этом сарафане а-ля Софи Лорен ты ну просто вылитая итальянка, хоть сейчас на бутылку с оливковым маслом, – сказала Эванель вместо приветствия.

На ней был спортивный костюм из зеленого велюра, а на плече висела объемистая сумка, битком набитая четвертаками, марками, таймерами и кусками мыла – всем тем, чем ей могло прийти в голову кого-то снабдить.

– Я как раз собиралась варить кофе, – сказала Клер, отступая от двери. – Проходи.

– Не откажусь. – Эванель следом за Клер двинулась на кухню и уселась за кухонный стол, а Клер поставила варить кофе. – Знаешь, что я ненавижу?

Клер обернулась к ней; по кухне пополз аромат свежесваренного кофе.

– И что же?

– Я ненавижу лето.

Клер рассмеялась. Ей было хорошо в обществе Эванель, и она уже который год пыталась уговорить пожилую даму переселиться в дом Уэверли, чтобы заботиться о ней и чтобы дом не казался таким пустынным и огромным.

– С чего это вдруг? Лето – это же так здорово. Свежий воздух, открытые окна, можно рвать помидоры прямо с грядки и есть их, пока они еще теплые от солнца.

– Я ненавижу лето, потому что на каникулы большинство студентов разъезжаются по домам, бегунов почти не остается и я не могу любоваться крепкими мужскими задницами, когда выхожу пройтись по стадиону.

- Фу, какая ты испорченная, Эванель.

- А что я такого сказала?

- Держи.

Клер поставила на стол перед пожилой дамой чашку кофе. Эванель подозрительно понюхала напиток.

- Ты ничего в него не клала?

- Ты же знаешь, что нет.

- Все Уэверли с твоей стороны вечно так и норовят напихать чего-нибудь куда ни попадя. То лаврового листа в хлеб, то корицы в кофе. А я люблю, чтобы просто и без затей. Да, кстати, я кое-что тебе принесла.

Старая дама порылась у себя в сумке и вытащила желтую пластмассовую зажигалку.

- Спасибо, Эванель. - Клер взяла подарок и сунула его в карман. - Уверена, она мне пригодится.

- А может, и нет. Я просто поняла, что должна отдать ее тебе.

Эванель, которая была редкостной сластеной, сделала глоток кофе и покосилась на покрытое крышкой блюдо для торта, стоявшее на разделочном столе из нержавеющей стали.

- Что там у тебя такое вкусненькое?

- Белый торт. Я добавила в тесто лепестки фиалок, а несколько цветков засахарила и пустила на украшение. Это для банкета, который я обслуживаю сегодня вечером. - Клер протянула Эванель пластиковый контейнер. - А этот торт я сделала специально для тебя. Там нет ничего необычного, честное слово.

Она поставила контейнер на столе перед пожилой дамой.

– Какая же ты милая! Когда ты наконец выйдешь замуж? Кто позаботится о тебе, когда я умру?

– Я тебе умру! И потом, этот дом как нельзя лучше подходит для старой девы. Я состарюсь в этом доме, и соседские ребяташки будут дразнить меня, пытаюсь добраться до яблони за домом, а я буду грозить им метлой. И еще я заведу себе уйму кошек. Наверное, ты для этого и дала мне ту подстилку.

Эванель покачала головой.

– Твоя беда – это пристрастие к заведенному порядку. Ты слишком его любишь. Вся в бабку. Ты чересчур привязана к этому месту, прямо как она.

Клер улыбнулась: она любила, когда ее сравнивали с бабушкой. Она не знала, что такое иметь имя, пока мать не привезла ее сюда, в этот дом, где жила ее бабка. Они жили в Бэскоме уже третью неделю, только что родилась Сидни, и Клер сидела во дворе под тюльпанным деревом и разглядывала местных, которые приходили взглянуть на Лорелею и ее младенца. Сама Клер из младенческого возраста уже вышла и полагала, что на нее смотреть никому не интересно. Из дома вышла семейная пара и остановилась неподалеку от Клер, которая тихонько мастерила из прутьев кукольные домики.

– Настоящая Уэверли, – припечатала женщина. – Тоже не от мира сего.

Клер не подняла глаз, не промолвила ни слова, лишь ухватила за траву, чтобы не воспарить. Она – Уэверли. Она не рассказала об этом никому, ни единой живой душе, опасаясь, как бы ее не лишили этой маленькой радости, но с того дня повсюду ходила за бабкой, во всем подражая ей, желая быть как она, делать все то, что полагалось делать настоящей Уэверли, чтобы доказать: хотя и появилась на свет в другом месте, она тоже Уэверли.

– Мне нужно упаковать в коробки желе и уксус на продажу, – сказала она Эванель. – Если ты немного подождешь, я подброшу тебя до дома.

– Ты повезешь их Фреду? – спросила Эванель.

- Да.

- Тогда я поеду с тобой. Мне нужно купить кока-колы. И шоколадных батончиков с карамельной начинкой. И пожалуй, еще помидоров. После разговора с тобой мне ужасно захотелось помидоров.

Пока Эванель рассуждала о преимуществах желтых помидоров в сравнении с красными, Клер вытащила из кладовки четыре коробки из гофрированного картона и принялась упаковывать желе и уксус. Когда с этим было покончено, они с Эванель вышли из дома и двинулись к белому фургончику Клер с надписью «Уэверли. Организация банкетов».

Пока Клер составляла коробки, Эванель забралась на пассажирское сиденье, и Клер отдала ей пластиковый контейнер с тортом и коричневый бумажный пакет, а сама уселась за руль.

- Что там? - любопытствовала пожилая дама.

- Особый заказ.

- А, это для Фреда, - многозначительно произнесла Эванель.

- Думаешь, он станет продолжать со мной дела, если я стану обсуждать это с тобой?

- Это для Фреда.

- Я этого не говорила.

- Это для Фреда.

- Что-то я не расслышала. Для кого, ты говоришь?

Эванель засопела.

- Не умничай.

Клер рассмеялась и тронулась с места.

Ее бизнес процветал, потому что все местные жители знали: блюда, приготовленные из цветов, которые росли поблизости от старой яблони в саду Уэверли, оказывают на того, кто их ест, крайне любопытное действие. Рулеты с желе из лепестков сирени, печенья с лавандовым чаем и кексы на майонезе из настурций, которые Дамский комитет заказывал для своих ежемесячных заседаний, наделяли их способностью хранить секреты. Жареные бутоны одуванчика с гарниром из риса с лепестками ноготков, фаршированные цветки тыквы и суп из шиповника гарантировали, что гости заметят лишь достоинства вашего дома, но никак не изъяны. Тост со смесью масла и анисово-мятного меда, леденцы из дягиля и кексы с засахаренными анютиными глазками заставляли детей взяться за ум. Вино из жимолости, подававшееся в День независимости, наделяло способностью видеть в темноте. Ореховый вкус подливки, приготовлявшейся из луковиц гиацинта, приводил в мрачное расположение духа и наводил на размышления о прошлом, а салат из мяты с цикорием заставлял верить, что вот-вот случится что-то очень хорошее, независимо от того, так это было или нет.

Ужин, который Клер предстояло обслуживать этим вечером, давала Анна Чайпел, декан факультета искусств в Орионовском колледже. Каждый год она устраивала для преподавателей своего факультета банкет по случаю окончания весеннего семестра. Последние пять лет эти банкеты организовывала и обслуживала Клер. Это принесло ей известность в преподавательской среде, что было очень приятно, поскольку они ожидали от нее лишь вкусной еды с легким налетом экзотики, тогда как те, кто жил в городе всю жизнь, обращались к ней, когда требовалось организовать обед с определенной целью: спровоцировать разговор на неприятную тему и быть уверенным, что собеседник никогда больше не поднимет ее, добиться повышения по работе или наладить испортившиеся отношения.

Первым делом Клер завезла желе и уксус на фермерский рынок у шоссе, где она арендовала полку в одной из палаток, затем поехала в город и остановилась у бакалейной лавки «Деликатесные товары», которая именовалась просто «Продовольственные товары» до тех пор, пока в ней не начали закупаться студенты из колледжа и туристы.

Они с Эванель вошли в магазин, ступая по скрипучим деревянным половицам. Пожилая дама направилась напрямиком к помидорам, а Клер двинулась вглубь

магазина, где располагался кабинет хозяина.

Она постучалась и открыла дверь.

- Привет, Фред.

Фред сидел за старым письменным столом, который служил еще его отцу. Перед ним лежала пачка накладных, но, судя по тому, как он вздрогнул, когда Клер открыла дверь, мысли его витали где-то далеко. Он немедленно поднялся ей навстречу.

- Клер! Рад тебя видеть.

- Я привезла две коробки с вашим заказом.

- Да-да.

Он снял висевшую на спинке кресла белую форменную куртку и натянул ее поверх черной рубашки с короткими рукавами. Они вместе отправились к ее фургону, и он помог ей принести коробки.

- А... а ты не привезла то, о чем мы договаривались? – спросил он по пути на склад.

Клер слабо улыбнулась и вышла на улицу. Минуту спустя она вернулась с бутылкой вина из розовой герани в бумажном пакете.

Фред со смущенным видом взял пакет и передал ей конверт с чеком. Само по себе это действие было совершенно невинным, поскольку он всегда расплачивался с ней чеком, когда она привозила желе и уксус, однако сумма, проставленная в этом чеке, была раз в десять больше обычной. И конверт был ярче, как будто наполнен светлячками, озарен его надеждой.

- Спасибо, Фред. Увидимся через месяц.

- Да. Счастливо, Клер.

* * *

Фред Уокер смотрел на Клер, пока она ждала у выхода расплачивающуюся Эванель. Клер с ее темными глазами и волосами и оливковой кожей была очень хорошенькой. Она ничуть не походила на свою мать, которую Фред знал со школы, – как, впрочем, и на Сидни. По всей видимости, обе сестры пошли в своих отцов, бог уж их знает, кто они были. В городе с Клер обращались вежливо, но считали нелюдимой и никогда не останавливались, чтобы перекинуться словечком о погоде, о новом шоссе между штатами или о том, что клубника в этом году уродилась на редкость сладкая. Она ведь Уэверли, а у них в роду все со странностями, каждый на свой лад. От матери Клер всегда были одни только неприятности; она бросила своих детей на бабуку, а сама несколько лет спустя погибла в автомобильной аварии в Чаттануге. Бабука Клер почти не выходила из дома, дальняя родственница Эванель вечно раздавала людям нелепые подарки. Впрочем, таковы уж были Уэверли. Точно так же, как все Рунионы были говорливы, Племноны себе на уме, а все Хопкинсы мужского пола женились только на женщинах старше себя. Зато Клер содержала дом Уэверли в порядке, а он был одним из самых старых в округе и туристы любили проезжать мимо, что шло на пользу городу. Но самое главное, к Клер всегда можно было обратиться, когда кому-то из горожан требовалось справиться с задачей, решить которую можно было лишь при помощи цветов, росших вокруг старой яблони на заднем дворе Уэверли. За три поколения она стала первой, кто открыто делился этим особым даром. Это примиряло горожан с ней.

Эванель наконец расплатилась, и обе женщины вышли.

Фред сжал в руке пакет с бутылкой и вернулся к себе в кабинет.

Он снял белую куртку, уселся в свое кресло и устремил взгляд на небольшую фотографию красивого мужчины в смокинге, стоявшую в рамке у него на столе. Этот снимок был сделан пару лет назад на праздновании пятидесятилетнего юбилея.

Фред и его друг Джеймс были вместе вот уже тридцать с лишним лет; если люди и догадывались об истинном характере их отношений, они продолжали уже так долго, что никого это не заботило. Однако в последнее время они с Джеймсом отдалились друг от друга, и Фреда начинал подтачивать неприятный червячок беспокойства. В последние несколько месяцев Джеймс то и дело

оставался ночевать в Хикори, где он работал, под тем предлогом, что засиделся на работе допоздна и возвращаться обратно в Бэском не имеет смысла. Поэтому Фред слишком часто оказывался дома в одиночестве и не знал, чем себя занять. Это Джеймс всегда говорил: «У тебя получаются изумительные китайские пельмени, давай приготовим их сегодня на ужин». Или: «Сегодня по телевизору будет такой-то фильм, давай посмотрим». Джеймс всегда был прав, и без него любая мелочь приводила Фреда в замешательство. Что сделать на ужин? Собрать вещи в химчистку вечером или отложить до утра?

Всю свою жизнь Фред слышал рассказы о вине из розовой герани, которое готовили Уэверли. Тот, кто его выпивал, возвращался в счастливые времена и вспоминал все хорошее, а Фреду хотелось вернуть все то, что было у них с Джеймсом. В год Клер делала всего одну бутылку, и стоила она бешеных денег, но средство было верное, потому что Уэверли, несмотря на слепоту в отношении самих себя, умели исключительно хорошо помочь прозреть другим.

Он снял телефонную трубку и набрал рабочий номер Джеймса. Нужно было узнать, что готовить на ужин.

Кстати, какое мясо полагается подавать к магическому вину?

* * *

К дому Анны Чайпел Клер подъехала под вечер. Анна жила в огороженном комплексе, вплотную примыкавшем к Орионовскому колледжу, попасть куда можно было только через кампус. Жилье там предназначалось для преподавателей колледжа, и дома были построены одновременно с кампусом, сто лет назад. Замысел заключался в том, чтобы сделать академическое сообщество как можно более обособленным, – решение, учитывая, какое неприятие вызывали в то время колледжи для женщин, весьма мудрое. Ректор и сейчас еще жил здесь, равно как и несколько преподавателей, к числу которых принадлежала и Анна, однако теперь среди жителей преобладали молодые семьи, не имевшие к колледжу никакого отношения. Им просто нравилось жить в этом уединенном и надежно охраняемом месте.

– Добро пожаловать, – приветствовала Анна.

Клер поднялась на крыльцо с переносным холодильником, где лежало все то, что требовалось немедленно переложить в морозилку. Женщина отступила в сторону, впуская Клер.

- Дорогу вы знаете. Вам нужна помощь?

- Нет, спасибо. Я справлюсь, - ответила Клер, хотя конец весны и лето были для нее самой горячей порой, когда к тому же у нее было меньше всего помощников.

Во время учебного года она обычно нанимала для подсобных работ первокурсниц с кулинарного факультета. В конце концов, они были родом не из Бэскома, и если задавали какие-нибудь вопросы, то исключительно из области кулинарии. Местных, наученная горьким опытом, она старалась не брать. Большинство из них рассчитывали выведать секреты ее магии или хотя бы добраться до старой яблони на заднем дворе, чтобы проверить, правду ли говорит местная легенда и действительно ли тот, кто съест ее яблоко, увидит самое главное событие в своей жизни.

Клер направилась на кухню, перегрузила в морозилку содержимое переносного холодильника, после чего открыла дверь в кухню и перетащила из машины все остальное. Вскоре обставленная в сельском стиле кухня наполнилась теплом и умопомрачительными ароматами, которые постепенно расползлись по всему дому. Они приветствовали гостей Анны, точно материнский поцелуй в щеку или гостеприимно распахнутая дверь родного дома.

Анна всегда настаивала, чтобы на банкетах использовалась ее посуда - массивная керамика, которую она делала собственноручно, так что Клер разложила по тарелкам салат и готова была обслуживать гостей, когда Анна сообщила ей, что все уже расселись по местам.

В меню был салат, суп из юкки, свиные медальоны, начиненные козьим сыром с жерухой и шнитт-луком, шербет из лимонной вербены и белый торт на десерт. Клер не сидела ни минуты: она приглядывала за едой на плите, раскладывала кушанья по тарелкам, бесшумно и ловко подавала гостям тарелки и так же незаметно уносила их, когда с очередным блюдом было покончено. Этот банкет был столь же официальным, как и все мероприятия подобного рода, которые она обслуживала, но здесь собрались преподаватели гуманитарных дисциплин и их супруги, люди интеллигентные и творческие, они сами наливали себе вино и

воду и благосклонно воспринимали кулинарные изыски Клер. Когда ей приходилось работать в одиночку, она не обращала внимания на гостей, а полностью сосредотачивалась на том, что нужно было сделать. В тот вечер все давалось ей с мучительным трудом, учитывая проведенную на голой земле в саду ночь. Впрочем, в этом был и свой плюс. С людьми она никогда не чувствовала себя уверенно.

Однако не обращать внимания на этого мужчину она не могла. Он сидел через два человека от Анны, которая занимала место во главе стола. Все остальные, получив свою тарелку, смотрели исключительно на еду. А он смотрел на нее. У него были темные, почти доходившие до плеч волосы, длинные руки и пальцы и такие полные губы, каких она не видела ни у одного мужчины. Он вызывал у нее... тревогу.

Когда Клер начала подавать десерт, она ощутила какое-то нетерпение, становившееся тем сильнее, чем ближе она подходила к нему. И она не была уверена, что это ее нетерпение.

– Мы с вами нигде не встречались? – спросил он, когда она наконец добралась до него.

Вопрос этот был задан с такой располагающей, такой открытой улыбкой, что Клер чуть было не улыбнулась в ответ.

Она поставила перед ним тарелку с куском торта, сочным и аппетитным, украшенным похожими на заиндедевские драгоценные камни засахаренными фиалками. Этот торт так и взывал: «Взгляни на меня!» Но его взгляд был прикован к ней.

– Не думаю, – отрезала она.

– Клер Уэверли, организатор банкетов, – представила ее Анна, покрасневшая и захмелевшая. – Я поручаю ей организацию всех факультетских мероприятий. Клер, это Тайлер Хьюз. Он у нас первый год.

Клер кивнула. Теперь, когда все глаза были устремлены на нее, она чувствовала себя крайне неудобно.

– Уэверли, – задумчиво протянул Тайлер.

Клер двинулась было дальше, но его длинные пальцы мягко обвили ее запястье, не отпуская.

– Ну конечно! – рассмеялся он. – Вы же моя соседка! Я живу рядом с вами. Пендленд-стрит, верно? Вы живете в том большом доме в стиле королевы Анны?

Его прикосновение стало для нее такой неожиданностью, что она смогла лишь отрывисто кивнуть.

Он точно почувствовал то ли ее напряжение, то ли мурашки, пробежавшие по коже, и мгновенно отпустил руку.

– Я совсем недавно купил голубой дом по соседству с вами, – сказал он. – Переехал всего несколько недель назад.

Клер молча смотрела на него.

– Что ж, рад был наконец-то с вами познакомиться, – подытожил он.

Клер снова кивнула и вышла из комнаты. Она вымыла и сложила свою утварь, убрала остатки салата и торта в холодильник. Настроение у нее почему-то испортилось. Однако, работая, она то и дело безотчетно проводила пальцами по запястью, где его касался Тайлер, как будто пыталась стряхнуть что-то со своей кожи.

Когда оставалось отнести в фургон последнюю коробку, в кухню вошла Анна и принялась бурно восторгаться едой и хвалить мастерство Клер; она была не то слишком пьяна, не то слишком хорошо воспитана, чтобы упомянуть о странном поведении Клер с одним из ее гостей.

Клер улыбнулась, взяла у Анны чек, распрощалась, подхватила свою коробку и вышла через заднюю дверь. По короткому проезду она неторопливо зашагала к своему фургону. Усталость каменной плитой придавливала к земле, поэтому движения ее были замедленными. Впрочем, ночь выдалась чудесная. Было тепло и сухо, и она решила, что на ночь оставит окна своей спальни открытыми.

Когда Клер была уже почти у обочины, на нее налетел странный порыв ветра. Она обернулась и увидела под дубом во дворе у Анны мужской силуэт. В темноте лицо его было почти не различимо, но его самого окружало какое-то пурпурное мерцание, точно крошечные электрические разряды.

Он отделился от дерева, и Клер почувствовала на себе его взгляд. Она отвернулась и двинулась к фургону.

- Погодите, - окликнул ее Тайлер.

Ей следовало бы сделать вид, что она ничего не слышала; вместо этого она снова обернулась к нему.

- У вас прикурить не найдется? - спросил он.

Клер закрыла глаза. Куда проще обвинять во всем Эванель, если бы пожилая дама понимала, что делает.

Она поставила свою коробку на землю, сунула руку в карман платья и вытащила желтую пластмассовую зажигалку, которую утром дала ей Эванель. Вот, значит, для чего она должна была пригодиться!

С ощущением, что ее затягивает в омут, она подошла к Тайлеру и протянула ему зажигалку. Остановилась она в нескольких шагах, стараясь держаться как можно дальше от него, вопреки неведомой силе, которая толкала ее к нему.

Он улыбнулся, непринужденно и заинтересованно. Из рта у него торчала незажженная сигарета, и ему пришлось ее вытащить.

- Вы курите?

- Нет.

Зажигалка так и осталась лежать в ее протянутой руке. Он не взял ее.

- Мне тоже не стоит, знаю. Я дал себе слово курить не больше двух в день. Теперь это немодно.

Клер ничего не ответила, и он переступил с ноги на ногу.

– Я видел вас у дома. У вас чудесный двор. Пару дней назад я в первый раз косил траву у себя во дворе. Вы не слишком-то разговорчивы, да? Или я уже успел чем-то насолить всей округе? Может, разгуливал по двору в чем мать родила?

Клер вздрогнула. В своем доме она чувствовала себя настолько защищенной, что нередко забывала о наличии соседей – соседей, которым с их вторых этажей была как на ладони видна ее веранда, где сегодня утром она стянула с себя ночную рубашку.

– Угощение было замечательное, – сделал последнюю попытку Тайлер.

– Спасибо.

– Мы с вами увидимся еще?

Сердце у нее учащенно забилося. У нее уже есть все, что нужно, и ничего больше она не хочет. Стоит только впустить кого-то в свою жизнь, как этот кто-то причинит тебе боль. Это уж как пить дать. У нее есть Эванель, ее дом и ее работа. Больше ей ничего не нужно.

– Возьмите, можете оставить ее себе.

С этими словами Клер отдала ему зажигалку и зашагала прочь.

* * *

Свернув к дому, Клер остановила машину перед домом, а не позади него, как обычно. На верхней ступеньке крыльца кто-то сидел.

Не выключая фар, она вышла из машины и, оставив дверцу открытой, со всех ног бросилась к дому. Всю ее усталость точно рукой сняло.

– Что стряслось, Эванель?

Пожилая дама неловко поднялась на ноги; в свете уличных фонарей она казалась совсем хрупкой и призрачной. В руках у нее были два новых комплекта постельного белья в упаковке и пачка клубничных тартинок.

– Я ворочалась с боку на бок, пока не принесла их тебе. На, держи, и дай мне поспать.

Клер взбежала по ступенькам и забрала у Эванель вещи, потом обняла ее за плечи.

– Давно ты здесь сидишь?

– Примерно с час. Я уже легла, когда меня вдруг стукнуло, что тебе нужно постельное белье и тартинки.

– Так что же ты не позвонила мне на сотовый? Я могла бы заехать к тебе за ними по дороге.

– Так нельзя. Я не знаю почему.

– Оставайся у меня. Я сделаю тебе теплого молока с сахаром.

– Нет, – отрезала Эванель. – Я хочу домой.

После тех переживаний, которые всколыхнул в ней Тайлер, Клер еще больше хотелось бороться за то, что она имела, за то единственное, что ей хотелось иметь.

– Может быть, ты принесла мне это белье, чтобы я могла застелить для тебя постель, – с надеждой в голосе сказала она, пытаясь завлечь пожилую даму в дом. – Оставайся у меня. Пожалуйста.

– Нет! Они не для меня! Я не знаю, зачем они! – Эванель повысила голос, глубоко вздохнула, потом произнесла шепотом: – Я хочу домой.

Презирая себя за слабость, Клер похлопала старую даму по плечу – легонько, успокаивающе.

– Ладно, ладно. Я отвезу тебя. – Она положила белье и тартинки на плетеное кресло-качалку у двери. – Идем, моя хорошая.

Она помогла сонной старушке спуститься по ступенькам и повела ее к машине.

* * *

Когда Тайлер Хьюз подъехал к дому, в окнах у Клер свет не горел. Он оставил свой джип у обочины дороги и пошел к двери, но потом остановился. Ему пока не хотелось идти в дом.

Он услышал топоток собачьих лап по мостовой и обернулся. Через миг мимо него опрометью промчался маленький черный терьер, преследовавший мотылька, который перепархивал от одного фонаря к другому.

Тайлер стал ждать, что будет дальше.

Как он и предполагал, на улице появилась миссис Крановски, высокая сухопарая старуха с прической, напоминавшей мягкое мороженое. Она пыталась догнать песика, выкрикивая:

– Эдуард! Эдуард! А ну вернись к мамочке! Эдуард! Вернись сейчас же!

– Вам помочь, миссис Крановски? – спросил ее Тайлер, когда она проходила мимо.

– Спасибо, Тайлер, не нужно, – отозвалась та, не останавливаясь.

Это небольшое представление, как он недавно выяснил, разыгрывалось здесь по меньшей мере раза по четыре на дню.

Черт, до чего же здорово было иметь какой-то распорядок.

Тайлеру не хватало этого сильнее, чем большинству людей. Летом ему предстояло вести занятия, но между весенним и летним семестрами оставалась

пара недель перерыва, а лишившись привычного распорядка, он не находил себе места. Он никогда не отличался организованностью, однако упорядоченная жизнь всегда влекла его. Иногда он задавался вопросом, врожденное это или благоприобретенное. Родители его были люди богемные и всячески поощряли в нем творческую жилку. Он только в начальных классах узнал, что рисовать на стенах нельзя. Это стало для него огромным облегчением. Школа привнесла в его жизнь упорядоченность, правила, рамки. Во время летних каникул он забывал есть, потому что часами рисовал и предавался мечтам, а родители и не думали его ограничивать. Им это нравилось в нем. У него было счастливое детство, однако в его окружении честолюбие относилось к числу запретных тем – наряду с Рональдом Рейганом. Он-то всегда считал, что пойдет по родительским стопам и будет кое-как зарабатывать себе на жизнь своим искусством. Однако в школе ему было хорошо, а в колледже еще лучше, да так, что ему не хотелось оттуда уходить.

И он решил стать преподавателем.

Родители его не поняли. Хорошо зарабатывать в их глазах было почти так же постыдно, как податься в республиканцы.

Он все еще стоял на тротуаре, когда мимо него в обратную сторону прошествовала миссис Крановски с извивающимся Эдуардом под мышкой.

– Вот умница, Эдуард, – приговаривала она. – Вот хороший мальчик.

– Спокойной ночи, миссис Крановски, – сказал он, когда женщина проходила мимо него.

– Спокойной ночи, Тайлер.

Ему нравился этот безумный городишко.

Получив диплом, он устроился на работу в одну из школ во Флориде, где так отчаянно не хватало учителей, что им платили надбавки, компенсировали расходы на проживание, а также оплатили ему переезд во Флориду из его дома в Коннектикуте. Через год он вдобавок к этому начал вести вечерние художественные курсы в местном университете.

В Бэском его привела счастливая случайность. Как-то на конференции в Орландо он познакомился с одной женщиной, которая преподавала искусство в Орионовском колледже в Бэскоме. Они выпили, принялись флиртовать друг с другом, и закончилось все бурной ночью в ее гостиничном номере. Несколько лет спустя, томясь на летних каникулах, он услышал, что на факультете искусств Орионовского колледжа есть вакантная должность, и та безумная ночь воскресла у него в памяти во всех ее ярких и головокружительных подробностях. Тайлер прошел собеседование и получил эту должность. Он не помнил даже, как звали ту женщину; то был просто романтический порыв. К тому времени, как он приступил к работе, она уже перебралась куда-то в другое место, и больше он ее не видел.

Чем старше он становился, тем больше задумывался, как же так вышло, что он до сих пор не женился, что в этот город его привели очередные летние каникулы и мечта о жизни с женщиной, с которой его и связывала-то только мимолетная интрижка.

Положа руку на сердце, это было романтично или достойно жалости?

На заднем дворе послышался какой-то стук, и Тайлер вытащил руки из карманов и пошел на шум. Когда пару дней назад он подстригал траву во дворе, она была очень высокой, так что теперь повсюду высились влажные зеленые кучки.

Наверное, нужно перевернуть ее. Но что он будет делать с такой уймой сена? Нельзя же просто сгрести его в стог посреди двора да так и оставить. А вдруг оно засохнет и погубит живую траву?

Всего один день без занятий, и он уже маниакально одержим своей лужайкой. А то ли еще будет!

Какие бы еще придумать для себя дела, пока не начнутся занятия?

Надо бы не забыть развесить себе напоминалки о том, что нужно есть. Да, сегодня же, а не то он забудет. Он прилепит их на холодильник, на диван, на кровать, на комод.

Фонарь над задним крыльцом освещал дворик – совсем маленький, никакого сравнения с соседским. Два двора разделял железный забор, увитый

жимолостью. С тех пор как Тайлер вселился в этот дом, он уже дважды стаскивал с этого забора местных ребяташек. Они сказали, что лезли за яблоками со старой яблони; Тайлеру это показалось глупостью, ведь в кампусе Орионовского колледжа росло не меньше полдюжины отличных яблонь. Зачем перебираться через трехметровую изгородь, если можно прогуляться до кампуса? Так он и сказал ребяташкам, но они посмотрели на него с таким видом, как будто он сморозил несусветную чушь. Это особая яблоня, сказали они.

Он прошелся вдоль изгороди, полной грудью вдыхая терпкий аромат жимолости. Подошва его задела что-то твердое, он опустил глаза и обнаружил, что наступил на яблоко. Затем его внимание привлекла дорожка из яблок, тянувшаяся к небольшой кучке у самой изгороди. На землю шлепнулось еще одно яблоко. До этого яблоки никогда не падали на его участок. Черт, со своего двора он даже не видел саму яблоню.

Тайлер подобрал маленькое румяное яблоко, обтер его о рубаху и откусил кусок.

Он медленно двинулся обратно к дому. Завтра он соберет яблоки в какую-нибудь коробку и отнесет их Клер, вот что он сделает. Будет предлог увидеть ее еще раз.

Вполне возможно, он снова гоняется за призраками.

Ну и черт с ним.

Если берешься за что-то, доводи до конца.

Последнее, что он помнил, это как он поднялся на верхнюю ступень заднего крыльца.

А потом ему приснился поразительный сон.

Глава 2

Сидни подошла к кроватке дочери.

– Просыпайся, солнышко.

Когда Бэй открыла глаза, Сидни приложила к губам девочки палец.

– Мы уезжаем, только так, чтобы Сьюзен не услышала, поэтому шуметь нельзя. Как мы договаривались, помнишь?

Бэй без единого слова встала и отправилась в ванную; она даже не стала спускать за собой воду, потому что от соседской квартиры их отделяла тонкая стенка и Сьюзен могла услышать. Потом девочка сунула ноги в туфли на мягкой бесшумной подошве и надела несколько слоев одежды, которую Сидни приготовила для нее с вечера. Днем обещали потепление, но у них не будет времени остановиться и переодеться.

Пока Бэй одевалась, Сидни расхаживала по комнате. Уезжая по делам в Лос-Анджелес, Дэвид, как обычно, попросил пожилую соседку приглядывать за Сидни и Бэй. Вся прошлую неделю Сидни в своей объемистой сумке потихоньку выносила из дома одежду, еду и прочие необходимые вещи, чтобы не вызвать у Сьюзен подозрений несанкционированной отлучкой. Ей было позволено водить Бэй в парк по понедельникам, вторникам и четвергам и ходить за покупками по пятницам. Два месяца назад она разговорилась в парке с одной мамочкой, у которой хватило бестактности задать ей вопрос, на который все остальные не решались. Откуда столько синяков? Почему она такая дерганая? Эта женщина помогла Сидни купить за триста долларов подержанный «субару», неплохую машинку для тех денег, которые Сидни удалось скопить за последние два года, подбирая завалившуюся между подушками дивана мелочь и втихомолку возвращая в магазины за наличные вещи, за которые расплачивалась чеками. Расходы ее Дэвид строго контролировал. Еду и одежду она передавала той женщине из парка, а та относилась их в машину. Сидни очень надеялась, что Грета – так звали женщину – не забыла оставить «субару» в условленном месте. В последний раз они разговаривали в четверг, а сегодня было воскресенье. Вечером должен был вернуться Дэвид.

Раз в два-три месяца он летал в Лос-Анджелес, чтобы лично удостовериться, как идут дела в купленных им ресторанах, и каждый раз устраивал попойку со своими компаньонами, однокашниками по университету. Домой он возвращался

довольный, все еще немного навеселе, но это продолжалось ровно до тех пор, пока ему не приходила охота заняться сексом и он не принимался сравнивать ее с девицами, с которыми развлекался в Лос-Анджелесе. Когда-то она была точно такой же. И опасные мужчины были ее коньком – и, как она всегда полагала, коньком ее матери. Эта причина была одной из множества тех, что побудили ее уехать из Бэскома с рюкзаком за плечами и несколькими материнскими фотографиями на память.

– Я готова, – прошептала Бэй, выходя в коридор, по которому расхаживала Сидни.

Та присела на корточки и обняла дочь. Девочке исполнилось пять – возраст вполне достаточный, чтобы понимать, что происходит дома. Сидни пыталась оградить ее от влияния Дэвида, и по их молчаливому соглашению он не трогал Бэй, если Сидни делала то, что он требовал. Однако она подавала малышке чудовищный пример. В Бэскоме, при всех его недостатках, было безопасно, и ради того, чтобы Бэй наконец узнала, что такое спокойная жизнь, стоило вернуться в этот ненавистный ей городишко.

Она поспешно отстранилась, чтобы снова не расплакаться.

– Идем, солнышко.

Уходить она умела виртуозно. И проделывала это не раз и не два – до тех пор, пока не встретила Дэвида. Теперь же от страха ей было трудно дышать.

Тогда, много лет назад, покинув Южную Каролину, Сидни отправилась прямоком в Нью-Йорк, где можно было раствориться среди людей и никто не считал ее странной, где имя Уэверли никому ничего не говорило. Там она сошлась с какими-то актерами, которые с ее помощью отшлифовывали свой южный акцент, в то время как она усердно старалась избавиться от него. Год спустя она перебралась в Чикаго вместе с мужчиной, который зарабатывал себе на жизнь – и весьма неплохо – угоном машин. Когда он попался, она прикарманила его деньги и переехала в Сан-Франциско, где жила на них целый год. Именно тогда она и сменила имя, чтобы он не смог ее отыскать, и стала Синди Уоткинс – так звали одну ее подружку в Нью-Йорке. Когда деньги закончились, она уехала в Вегас и устроилась на работу официанткой. У девушки, вместе с которой она приехала из Вегаса в Сиэтл, был друг, работавший в ресторане «Дэвидс-бэй»;

туда он и пристроил их обеих.

Сидни безумно запала на Дэвида, владельца ресторана. Он не был красавцем, но в нем чувствовалась сила, а ей это нравилось. Сильные мужчины возбуждали ее – до тех пор, пока не начинали пугать, и тогда она немедленно уходила от них. Она научилась виртуозно играть с огнем. Ситуация с Дэвидом стала пугающей через шесть месяцев после того, как они начали встречаться. Время от времени он избивал ее до синяков, привязывал к кровати и принимался рассказывать, как сильно он ее любит. Потом он начал следить за ней, когда она выходила в магазин или в гости к друзьям. Она решила бросить его, собиралась запустить руку в кассу его ресторана и уехать в Мексику вместе с одной девушкой, с которой она познакомилась в прачечной, как вдруг узнала, что беременна.

Семь месяцев спустя на свет появилась Бэй; Дэвид назвал ее в честь своего ресторана. Весь первый год ее жизни Сидни винила тихую малышку в своей загубленной жизни. Теперь Дэвид не вызывал у нее ничего, кроме отвращения и страха – страха, подобного которому она не испытывала никогда. А он чувствовал это и бил ее еще сильнее. Это в планы Сидни не входило. Она не собиралась обзаводиться семьей. Не собиралась связывать свою жизнь ни с одним из тех мужчин, с которыми встречалась. А теперь ее по рукам и ногам связывала Бэй.

Но однажды все перевернулось. Тогда они еще жили в той квартире, которую делили с Дэвидом до того, как перебраться сюда. Бэй едва исполнился годик, и она тихонько возилась на полу с только что выстиранным бельем, наматывая мочалки на голову, а полотенца на ноги. Внезапно Сидни увидела себя саму в детстве. Она играла в одиночестве, а ее мать ломала руки и металась по их дому в Бэскоме, а потом, никому ничего не сказав, снова уехала. Ее вдруг точно током ударило, по коже пробежал озноб, а с губ сорвался вздох, который заморозил все вокруг. С тех пор она больше не пыталась походить на мать. Ее мать старалась быть хорошим человеком, но хорошей матерью стать так и не смогла. Она бросила дочерей без всяких объяснений и больше к ним не вернулась. Сидни собиралась стать хорошей матерью, а хорошие матери защищают своих детей. Ей понадобился год, но в конце концов до нее все же дошло, что оставаться с Дэвидом из-за Бэй вовсе не обязательно. Можно взять дочку с собой.

Прошлые ее побеги проходили так гладко, что она дала себя усыпить ложному чувству безопасности. Ведь раньше ее никто никогда не преследовал. Ей даже

удалось закончить школу парикмахеров, до того злосчастливого дня, когда она вышла из салона красоты в Бойсе, куда устроилась работать, и увидела на парковочной площадке Дэвида. Потом она вспоминала, что за миг до того, как она заметила его у машины, на нее вдруг повеяло ароматом лаванды, и она подумала, что не чувствовала этого запаха со времен Бэскома. Аромат шел откуда-то из салона, как будто пытался заставить ее вернуться обратно внутрь.

А потом она увидела Дэвида, и он затащил ее в машину. Она была удивлена, но сопротивляться не стала. Ей было неудобно перед новыми подругами из салона. Дэвид завез ее на площадку за какой-то забегаловкой и так избил, что она потеряла сознание, а когда очнулась, он насильно ее на заднем сиденье. Он снял номер в мотеле, чтобы она привела себя в порядок, и заявил, что женщина сама виновата, когда она выплюнула в раковину выбитый зуб. Потом они вместе отправились за Бэй в ясли; как выяснилось, Дэвид навел справки и узнал, куда устроили его дочь, и таким образом разыскал их обеих. Он был само очарование, и воспитатели не усомнились в его словах, когда он сказал, что Сидни попала в аварию.

Они вернулись в Сиэтл, и она вновь осталась один на один с внезапными вспышками его гнева. Бэй играла в соседней комнате, а Сидни делала ей бутерброд с арахисовым маслом или принимала душ, как вдруг Дэвид налетал на нее и с размаху давал ей под дых или прижимал к столу, а потом срывал с нее шорты и насильно, приговаривая, что она никуда больше от него не денется.

Последние два года, с тех самых пор, как он приволок ее обратно из Бойсе, Сидни могла войти в комнату и вдруг почувствовать аромат роз или проснуться и ощутить в воздухе запах жимолости. Эти запахи, казалось, всегда долетали из-за окна или из-за двери, откуда-то издалека.

И лишь однажды ночью, когда она смотрела на спящую Бэй и беззвучно плакала, не понимая, как ей уберечь свое дитя, если им нельзя остаться и нельзя уехать, все вдруг встало на свои места.

Это был запах дома.

Они должны вернуться домой.

В предутренней мгле они с Бэй бесшумно спустились по лестнице. Из соседней квартиры хорошо просматривалась как парадная, так и задняя дверь, поэтому они подошли к окну гостиной, выходящему на небольшой участок двора сбоку от дома, который Сьюзен видеть не могла. Сидни заранее сняла сетку от насекомых, так что ей оставалось лишь бесшумно открыть окно и спустить Бэй на землю. Следом за девочкой из окна полетела большая сумка, чемодан и маленький рюкзачок Бэй, в который она позволила дочке упаковать все те мелочи, которые приносили ей радость. Затем Сидни выбралась наружу сама и через заросли гортензии повела Бэй на парковочную площадку за домом. Грета сказала, что подгонит «субару» к дому номер 100 на соседней улице. Ключи она обещала оставить за солнцезащитным козырьком. Никакой страховки, разумеется, не было, и номер был липовый, но все это совершенно не имело значения. Главное, чтобы эта машина увезла их прочь.

Накрапывал дождик, и они с Бэй трусцой пустились бежать по тротуару, огибая островки света под фонарями.

Когда они наконец добрались до условленного места, мокрая челка совершенно залепила Сидни глаза. Она огляделась по сторонам. Где же машина? Она оставила Бэй стоять и заметалась по площадке. «Субару» был только один, но выглядел он слишком хорошо, чтобы стоить всего триста долларов. К тому же он был заперт, а внутри лежали какие-то бумаги и кофейная кружка от Эдди Бауэра. Это была чужая машина.

Сидни еще раз обежала площадку, потом на всякий случай сбегала на соседнюю улицу.

Машины не было.

Она бросилась обратно к Бэй, тяжело дыша, злясь на себя за то, что поддалась панике и бросила дочь, пусть даже всего на минуту. Это было неосторожно, а позволить себе неосторожность она не могла. Слишком ответственный был момент. Она плюхнулась на обочину тротуара между «хондой» и грузовым «фордом» и закрыла лицо руками. Все было напрасно. И как они с Бэй вернутся обратно? Обратно туда, к прежнему порядку? Сидни не могла, просто не могла продолжать быть Синди Уоткинс.

Бэй подошла и села рядышком, Сидни обняла ее.

– Все будет хорошо, мамочка.

– Я уверена, что так и будет. Давай минутку посидим здесь, ладно? Мамочка придумает, что делать.

В четыре утра на площадке царила мертвая тишина, поэтому шум приближающейся машины заставил Сидни рывком вскинуть голову. Они с Бэй юркнули за грузовичок, чтобы их не заметили с улицы. А вдруг это Сьюзен? А вдруг она уже позвонила Дэвиду?

Свет фар медленно приближался, как будто водитель что-то искал. Сидни заслонила собой Бэй и закрыла глаза, словно это могло спасти их.

Машина остановилась.

Хлопнула дверца.

– Сидни?

Перед ней стояла Грета, невысокая блондинка в неизменных ковбойских сапогах и массивных бирюзовых серьгах.

– Господи боже мой, – прошептала Сидни.

– Прости. – Грета опустилась перед ней на корточки. – Прости, пожалуйста. Я пыталась оставить машину на стоянке, но попала на глаза какому-то мужику из этого дома, и он пригрозил, что вызовет эвакуатор. Я проезжала мимо раз в полчаса, ждала, когда ты появишься.

– О господи.

– Все в порядке.

Грета заставила Сидни подняться на ноги и подвела их с Бэй к «субару». Стекло со стороны пассажира было выбито и заклеено полиэтиленовой пленкой, а капот от крыла до крыла усеивали коричневые оспины ржавчины.

– Поезжайте. Постарайтесь уехать как можно дальше.

– Спасибо тебе.

Грета кивнула и забралась на пассажирское сиденье джипа, который въехал на стоянку следом за «субару».

– Вот видишь, мамочка? – сказала Бэй. – Я знала, что все будет хорошо.

– Я тоже, – солгала Сидни.

* * *

Наутро после банкета у Анны Чайпел Клер взяла корзинку и отправилась в сад за мятой. Пора было начинать приготовления к ежегодному обеду Ассоциации любителей ботаники, который должен был состояться в Хикори в пятницу. Как любителей ботаники, их приводила в восторг мысль о съедобных цветах, а как богатые эксцентричные дамы, они хорошо платили и могли рекомендовать Клер множеству своих знакомых. Заполучить этот заказ было большой удачей, но и работы предстояло немало, так что она намеревалась ускорить дело и нанять в помощь кого-нибудь из местных.

Сад был обнесен крепкой металлической оградой, точно готическое кладбище, а жимолость, оплетавшая ее, местами пышно разрослась, полностью скрывая участок от посторонних глаз. Даже калитка была целиком увита ее побегами, и лишь немногие знали, где скрывается замочная скважина.

Едва она вошла в сад, как сразу же их заметила.

Там, среди зонтиков дикой моркови, зеленели крохотные листики плюща.

Плющ в саду.

За одну ночь.

Сад предупреждал ее: в ее жизнь готовится вторгнуться нечто такое, что с виду приятно и безобидно, но способно при первой же возможности завладеть всем вокруг.

Она поспешно выдернула побеги и принялась копаться в земле в поисках корней. Потом заметила мохнатый стебелек, прицепившийся к кусту сирени, и попыталась подобраться к нему.

В спешке она позабыла закрыть за собой калитку и полчаса спустя вскинула голову от неожиданности, когда на дорожке, огибавшей клумбы, под чьими-то ногами захрустел гравий.

Это был Тайлер; в руках он нес картонную коробку из-под молока и озирался по сторонам с таким видом, словно попал в какое-то зачарованное место. Здесь цвело все и сразу, даже то, чему в эту пору цвести не полагалось. При виде Клер, которая на четвереньках пыталась выколоть корни плюща из-под куста сирени, он остановился как вкопанный. Вид у него был такой, будто он пытался различить ее в темноте.

– Это Тайлер Хьюз, – сказал он, как будто ожидал, что она его не узнает, – ваш сосед.

Она кивнула:

– Я помню.

Тайлер подошел и присел на корточки рядом с ней.

– Вот. – Он поставил коробку с яблоками на землю. – Я нашел их у себя под забором. Их тут целая дюжина. Я подумал, вдруг вы куда-нибудь их используете, и решил их вам принести. Я стучался в дверь, но никто не открыл.

Клер как можно незаметнее отодвинула от него коробку.

– Я никуда их не использую, но все равно спасибо. Вы любите яблоки?

Он покачал головой.

– Разве что под настроение. Но вот чего я никак не могу понять, так это как они оказались в моем дворе. Яблоня слишком далеко.

Он ни словом не обмолвился ни о каких необычных видениях, и Клер вздохнула с облегчением. Должно быть, он и вправду не попробовал ни одного яблока.

– Ветер, наверное, – сказала она.

– А знаете, на яблонях в кампусе яблоки еще не поспели.

– Эта яблоня цветет зимой и плодоносит всю весну и лето.

Тайлер поднялся и взглянул на дерево.

– Ничего себе!

Клер оглянулась на дерево. Яблоня росла в дальнем углу участка. Она была не очень высокая, но раскидистая, с длинными ветвями. Они походили на распростертые в пляске руки танцора, а яблоки росли на самых кончиках, как будто она держала их на ладонях. Это было прекрасное старое дерево; серая кора на стволе сморщилась и местами отходила. Единственный островок травы в этом саду находился вокруг яблони; он простирался примерно в десяти футах дальше ее ветвей, давая старому дереву расти на просторе.

Клер не знала почему, но время от времени яблоня действительно начинала бросаться яблоками, словно от скуки. В юности окна ее спальни выходили в сад. Летом она спала с открытыми окнами и по утрам нередко находила на полу спальни яблоко-другое.

Клер строго поглядела на дерево. Иногда это действовало на строптивую яблоню, и ее удавалось призвать к порядку.

– Это всего лишь дерево, – сказала она и, отвернувшись к кусту сирени, вновь принялась выдергивать корни плюща.

Тайлер сунул руки в карманы и принялся наблюдать за ней. Она столько лет работала в саду в полном одиночестве, что успела осознать, как ей не хватает компании. Ей вспомнилось, как они садовничали вместе с бабушкой. Это была не та работа, которой лучше заниматься в одиночку.

– И давно вы живете в Бэскоме? – спросил наконец Тайлер.

– Почти всю жизнь.

– Почти?

– Моя семья из здешних мест. Моя мать родилась тут. Она уехала отсюда, но вернулась, когда мне было шесть. С тех пор я живу здесь.

– Значит, вы здешняя.

Клер замерла. Как ему это удалось? Как он умудрился добиться этого при помощи всего трех коротких слов? Он сказал ей именно то, что ей всегда хотелось услышать. Он проник сквозь ее заслоны, даже не подозревая об этом. Вот он, плющ? Она очень медленно повернула голову и снизу вверх поглядела на него, на его долговязое тело, неправильные черты лица, красивые карие глаза.

– Да, – выдохнула она.

– А кто у вас в гостях? – поинтересовался он.

Она не сразу поняла его.

– Никого.

– Когда я обходил дом, у обочины затормозила машина, набитая сумками и коробками. Я решил, что к вам приехали гости.

– Странно.

Клер поднялась, стащила с рук перчатки и двинулась к выходу из сада, убедившись, что Тайлер идет за ней. Оставить его наедине с яблоней она не решалась, несмотря на то что он не любил яблоки.

Она прошла по проезду, огибающему дом, и остановилась как вкопанная у тюльпанного дерева во дворе. Тайлер подошел к ней вплотную и сжал ее локти, как будто почувствовал, что колени у нее подкосились.

Опять плющ.

По двору носилась девочка лет пяти, раскинув руки в стороны, точно крылья самолета. У обочины, прислонившись к старенькому «субару», стояла женщина и смотрела на нее, скрестив на груди руки. Она была маленькая и хрупкая, с давно не мытыми русыми волосами и темными кругами под глазами. Казалось, она с трудом сдерживает дрожь.

Вот, наверное, что испытала бабушка, рассеянно подумала Клер, когда ее блудная дочь появилась на пороге после десятилетнего отсутствия, беременная и с шестилетней дочуркой в придачу. То же облегчение, тот же гнев, ту же печаль, тот же панический страх.

Она заставила себя сдвинуться с места и зашагала через двор. Тайлер остался на месте.

– Сидни?

Та, вздрогнув, поспешно отодвинулась от машины. Она с ног до головы окинула Клер взглядом и только потом улыбнулась. И перепуганная женщина, обхватившая себя руками, исчезла, уступив место бывлой Сидни, той, которая всегда относилась к членам своей семьи свысока и даже не подозревала, как ей повезло родиться здесь.

– Привет, Клер.

Клер остановилась в нескольких шагах от сестры. Перед ней была не то бледная тень Сидни, не то другая женщина, невероятно похожая на нее. Та Сидни, которую знала Клер, никогда не позволила бы себе показаться на людях с такой

головой. Она скорее умерла бы, чем надела на себя заляпанную едой футболку. Она всегда была такой аккуратной, такой собранной. Она так старалась не походить на остальных Уэверли.

- Где ты была?

- Ох, где я только не была!

Сидни улыбнулась своей обаятельной улыбкой, и внезапно стало не важно, как выглядит ее голова и ее одежда. Да, это была Сидни.

Девочка, носившаяся по двору, подбежала к Сидни и прижалась к ней. Та обняла ее за плечики.

- Это моя дочь Бэй.

Клер посмотрела на малышку и натянуто улыбнулась. У нее были темные волосы, точь-в-точь как у Клер, и голубые глаза Сидни.

- Привет, Бэй.

- А это...

Она вопросительно покосилась на Тайлера.

- Тайлер Хьюз, - представился тот, протянув руку из-за спины Клер.

Она не заметила, как он подошел, и вздрогнула.

- Я живу вон там, в соседнем доме.

Сидни пожала протянутую руку и кивнула.

- В бывшем доме Сандерсонов. А он неплохо выглядит. Когда я в последний раз его видела, он был не голубой, а такого кошмарного цвета белой плесени.

- Я тут ни при чем. Он уже был такой, когда я его купил.

- Я Сидни Уэверли, сестра Клер.

- Очень приятно. Я, пожалуй, пойду. Клер, если я смогу чем-то быть вам полезен...

Он стиснул плечо Клер и ушел. Она была озадачена. Ей не хотелось, чтобы он уходил. Но и оставаться здесь ему было нельзя. Однако теперь она оказалась один на один с Сидни и ее тихой дочуркой и представления не имела, что делать дальше.

Сидни вскинула брови.

- А он ничего.

- Уэверли, - сказала Клер.

- Что?

- Ты сказала, что твоя фамилия Уэверли.

- С утра так оно и было.

- Я думала, ты ненавидишь нашу фамилию.

Сидни неопределенно пожала плечами.

- А Бэй?

- Ее фамилия тоже Уэверли. Беги еще поиграй, солнышко, - бросила она дочке, и Бэй бросилась обратно во двор. - С ума сойти, как здорово выглядит дом. Новая краска, новые окна, новая крыша. Я и не представляла, что он может так здорово выглядеть.

– Я отремонтировала его на деньги, которые получила по страховке после смерти бабушки.

Сидни отвернулась, как будто для того, чтобы посмотреть на Тайлера, который поднялся на крыльцо и исчез за дверью своего дома. Она вся напряглась, и Клер вдруг поняла, что эта новость оказалась для сестры совершенно неожиданной. Неужели она в самом деле надеялась найти бабушку живой и здоровой? На что она вообще надеялась?

– Когда? – спросила Сидни.

– Что «когда»?

– Когда она умерла?

– Десять лет назад. Под Рождество, в тот год, когда ты уехала. Я не могла тебе сообщить. Мы не знали, где ты.

– Бабушка знала. Я ей сказала. Послушай, ты не будешь против, если я поставлю эту колымагу за домом? – Сидни хлопнула ладонью по капоту. – Она не очень-то презентабельно выглядит.

– А что случилось со старой бабушкиной машиной, которую она тебе дала?

– Я продала ее в Нью-Йорке. Бабушка разрешила мне продать ее, если я захочу.

– Значит, вот где ты была? В Нью-Йорке?

– Нет, там я прожила всего год. Я переезжала с места на место. Как мама.

Они впились друг в друга взглядами, и внезапно все вокруг утихло.

– Зачем ты приехала, Сидни?

– Мне нужно где-то отсидеться.

- И долго?

Сидни тяжело вздохнула.

- Не знаю.

- Не вздумай бросить здесь Бэй.

- Что?!

- Как мама бросила нас. Не вздумай ее здесь бросить.

- Я никогда не брошу мою дочь! - воскликнула Сидни; в ее голосе послышались истерические нотки.

И Клер вдруг поняла все то, что осталось недосказанным, все то, о чем ее сестра умолчала. Должно быть, случилось что-то по-настоящему серьезное, если Сидни решила вернуться сюда.

- Клер, ты что, хочешь, чтобы я тебя умоляла?

- Нет, я этого не хочу.

- Мне просто некуда больше было идти, - сказала Сидни, с усилием выдавливая из себя каждое слово, точно выплевывала шелуху от семечек на асфальт, к которому они прилипали и засыхали на солнце, с каждой минутой становясь все тверже.

И что теперь делать? Сидни ей все-таки не чужая. Уж кто-кто, а Клер знала, что родственниками не стоит разбрасываться. Знала и то, что они могут причинять такую боль, как никто другой.

- Вы уже завтракали?

- Нет.

– Тогда жду вас на кухне.

– Бэй, идем, мне нужно загнать машину во двор, – крикнула Сидни, и девочка подбежала к матери.

– Бэй, ты любишь клубничные тартинки? – спросила Клер.

Девочка улыбнулась совсем как Сидни, и у Клер защемило сердце. Если бы только можно было повернуть время вспять! Теперь она не стала бы выгонять Сидни из сада, чтобы она не подсмотрела, чем заняты Клер с бабушкой, и прятать рецепты на верхнюю полку, чтобы Сидни никогда не узнала их секреты. Ее всегда мучил вопрос, не из-за нее ли Сидни так ненавидела свою принадлежность к семейству Уэверли. Неужели и эта малышка тоже возненавидит все, что связано с Уэверли? Бэй не подозревает об этом, но у нее тоже есть свой особый дар. Возможно, Клер удастся научить племянницу пользоваться им. Клер не знала, помирятся ли они с Сидни и надолго ли ее сестра собирается задержаться в Бэскоме, но, быть может, при помощи Бэй ей удастся загладить свою вину?

В считанные минуты вся жизнь Клер перевернулась. Бабушка приняла их с Сидни под свой кров. Клер сделает то же для Сидни и Бэй. Без всяких вопросов. Именно так и поступают настоящие Уэверли.

– Клубничные тартинки! Мои любимые! – обрадовалась Бэй.

– Откуда ты узнала? – изумилась Сидни.

– Это не я, – сказала Клер и двинулась к дому. – Это Эванель.

* * *

Сидни поставила старый «субару» рядом с белым фургончиком за домом, перед въездом в гараж. Бэй выскочила из машины, но Сидни выходить не спешила. Она взяла свою сумку и дочкин рюкзачок, потом подошла к багажнику машины и отвинтила номера с эмблемой штата Вашингтон. Она спрятала их в сумку. Ну вот. Теперь ничто не указывало на то, откуда они приехали.

Бэй ждала на дорожке, которая отделяла дом от сада.

– Мы правда будем тут жить? – спросила она раз в шестнадцатый с тех пор, как они остановились перед этим домом.

Сидни глубоко вздохнула. Господи, просто не верится.

– Да.

– В таких домах живут принцессы. – Девочка обернулась и указала на открытую калитку. – Можно мне посмотреть на цветы?

– Нет. Это цветы Клер.

Она услышала глухой стук, и под ноги ей из сада выкатилось яблоко. Она какое-то время разглядывала его. В их семье никто не находил ничего необычного в дереве, которое предсказывало будущее и забрасывало людей яблоками. Впрочем, этот прием был теплее того, что оказала ей Клер. Сидни ногой отшвырнула яблоко обратно в сад.

– И держись подальше от яблони.

– Я не люблю яблоки.

Сидни присела перед дочкой на корточки, убрала ей волосы за уши и поправила юбочку.

– Так как тебя зовут?

– Бэй Уэверли.

– А где ты родилась?

– В междугородном автобусе.

– Кто твой отец?

- Я его не знаю.

- Где ты жила раньше?

- Много где.

Она взяла ладошку дочери в свои руки.

- Ты ведь понимаешь, почему надо так говорить, правда?

- Потому что здесь все по-другому. Мы не те, кто мы были раньше.

- Ты меня поражаешь.

- Спасибо. Как ты думаешь, Клер будет меня любить?

Сидни поднялась; перед глазами у нее замелькали черные точки, мир качнулся в сторону и не сразу вернулся на место. По коже у нее бегали мурашки, глаза слезились. Она так устала, что едва держалась на ногах, но ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы это заметила Бэй – не говоря уж о Клер. Она заставила себя улыбнуться.

- Чтобы тебя не любить, нужно быть сумасшедшим.

- Она мне нравится. Она похожа на Белоснежку.

Они прошли через веранду на кухню, и Сидни принялась изумленно озираться по сторонам. Кухню полностью отремонтировали, теперь к ней была присоединена большая часть бывшей столовой, и вся она была нержавеющей сталь и воплощенная эффективность. Кроме того, в ней стояли два промышленных холодильника и две плиты.

Они молча вошли в кухню и уселись за стол, глядя, как Клер ставит варить кофе и заправляет две клубничные тартинки в тостер. Клер переменялась – не в серьезных вещах, в мелочах, как иногда в течение дня меняется солнечный свет. Другой угол наклона, другой оттенок. Она стала по-иному держаться; в ней не

было больше прежней жадности, себялюбия. Она была исполнена спокойной уверенности – той уверенности, какой отличалась их бабушка. Уверенности, которая говорила: не трогайте меня, и все будет отлично.

Сидни смотрела на нее и вдруг подумала, что Клер красавица. Она никогда не осознавала, какая у нее красивая сестра. Тот мужчина, который был у них во дворе, их сосед, определенно придерживался того же мнения. Его явно тянуло к Клер. Вот и Бэй она тоже очаровала: девочка не сводила с тетки глаз, даже когда Клер поставила перед ней подогретые тартинки и стакан молока.

– Значит, ты занимаешься организацией банкетов? – спросила наконец Сидни, когда сестра передала ей чашку кофе. – Я видела фургон.

– Да. – Клер отвернулась, и на Сидни повеяло ароматом сирени и мяты.

Волосы у нее были длиннее, чем Сидни помнила, и окутывали плечи, точно шаль. Она защищалась ими от мира. Уж в чем, в чем, а в волосах Сидни разбиралась. Ей нравилось учиться в парикмахерской школе и нравилось работать в салоне в Бойсе. Волосы говорили о людях куда больше, чем те подозревали, и Сидни без труда понимала этот язык. Для нее стало откровением, что у некоторых девушек из школы это вызывало сложности. Для Сидни это было нечто само собой разумеющееся. Всю жизнь.

У нее не было сил вести разговор с сестрой, который та явно не стремилась поддерживать, поэтому она отхлебнула кофе и обнаружила, что Клер добавила в него корицу, в точности как это делала бабушка Уэверли. Она хотела сделать еще глоток, но рука у нее вдруг задрожала, и она вынуждена была поставить чашку на стол.

Когда же она спала в последний раз? Она следила, чтобы Бэй высыпалась, но сама была так напугана, что позволяла себе лишь немного вздремнуть на стоянке у обочины или на парковке у «Уолмарта». Бесконечные мили шоссе слились в ее памяти в один нескончаемый круг, а дорожный шум, казалось, до сих пор отдавался в костях. Они ехали десять дней, питаясь тем, что ей удалось запасти: белым хлебом, имбирным печеньем и самыми дешевыми крекерами с арахисовой пастой, из тех, которые крошатся при первом же прикосновении, а паста обладает противным маслянистым привкусом. Пожалуй, еще немного – и она не выдержала бы, сорвалась.

– Вставай, Бэй, – сказала Сидни дочке, едва та покончила с завтраком. – Идем наверх.

– Я положила новое белье, которое принесла Эванель, на кровати, – сказала Клер.

– В какой комнате?

– Твою комнату у тебя никто не отнимал. А Бэй может ночевать в моей бывшей комнате. Я теперь сплю в бабушкиной.

Она отвернулась от них и принялась выгружать из шкафчика банки с мукой и сахаром.

Сидни повела Бэй напрямик к лестнице, не оглядываясь: она и без того была сбита с толку и не хотела видеть, что еще изменилось в доме. Бэй взбежала по ступенькам первой и с улыбкой остановилась, поджидая ее.

Ради этого стоило вернуться. Стоило пройти через это все, чтобы увидеть эту улыбку на лице дочери.

Первым делом Сидни отвела ее в бывшую комнату Клер. Теперь она была заставлена разномастной мебелью. Швейный столик переехал сюда с первого этажа, из гостиной, а кровать – из бабушкиной спальни. Бэй подбежала к окну.

– Мне здесь нравится.

– Тетя Клер могла часами сидеть у этого окна и смотреть в сад. Можешь спать со мной, если хочешь. Из моей комнаты виден тот голубой дом по соседству.

– Может быть.

– Я начну переносить наши вещи. Пойдем со мной.

Бэй с надеждой вскинула на нее глаза.

– А можно, я останусь здесь?

Сидни слишком устала, чтобы возражать.

– Только никуда не уходи. Если захочешь посмотреть дом, потом сходим вместе.

Она оставила Бэй в комнате, но вместо того, чтобы спуститься к машине за сумками и коробками, отправилась в свою старую спальню. В детстве она немало времени провела здесь в одиночестве, а иногда воображала, будто ее заточила сюда злая сестра, как в сказке. Целых два года после отъезда матери она даже спала со связанной из простыней веревкой под кроватью, чтобы спуститься по ней из окна, когда мама вернется спасти ее. Потом она выросла, поумнела и поняла, что мама не вернется. И еще она поняла, что мама была права, когда уехала. Сидни тоже не могла дожидаться, когда наконец уедет отсюда, поступит в один колледж со своим приятелем Хантером-Джоном Мэттисоном, потому что они будут вместе всегда, но даже если они вернуться обратно в Бэском, в этом не будет ничего страшного, потому что он никогда не обращался с ней как с одной из Уэверли. По крайней мере, пока все не было кончено.

Она затаила дыхание и благоговейно вошла в комнату, в этот храм воспоминаний о былом. Ее старая кровать и комод с зеркалом стояли на своих местах. На зеркале до сих пор остались наклейки. Сидни открыла шкаф и обнаружила в нем грудку коробок со старым бельем, в котором давным-давно завелись мыши. Однако в комнате не чувствовалось запустения. Нигде не было ни пылинки, и пахло уютно и знакомо, гвоздикой и кедром. Клер поддерживала здесь порядок; она не превратила эту комнату в гостиную, не сделала из нее склад ненужных вещей, не отправила старую мебель сестры на помойку.

Это было уже слишком.

Сидни подошла к кровати и присела на край. Она зажала рот ладонью, чтобы Бэй, что-то негромко напевавшая за стеной, не услышала, как она плачет.

Десять дней в пути. Нужно принять ванну. Клер выглядит лучше и опрятней, чем она.

Бабушки Уэверли больше нет.

Бэй понравилось в этом доме, но она еще не знает, что значит быть Уэверли.

Чем занят Дэвид? Не оставила ли она каких-нибудь зацепок?

Столько всего произошло, но ее комната осталась в точности такой, какой она ее помнила.

Сидни доползла до подушки и свернулась в клубочек. Несколько секунд спустя она уже крепко спала.

Глава 3

Эванель разглядывала мужские задницы из любви к прекрасному. И только. Ну почти.

Молодые люди, наматывавшие круги по университетскому стадиону, были такие энергичные и подтянутые, и даже если бы Эванель понадобилось дать им что-нибудь, она все равно нипочем бы их не догнала. Очевидно, ее дар это чувствовал, потому что во время учебного года это желание ни разу не настигало ее на стадионе. Однако летом место студентов занимали люди постарше и менее проворные, и Эванель время от времени испытывала потребность вручить кому-нибудь из них небольшой пакетик кетчупа и щипцы для барбекю. Однажды ей даже пришлось дать одной пожилой женщине банку оксидендрумового меда. Летом на стадионе на нее смотрели как на ненормальную.

В то утро, вместо того чтобы отправиться на стадион, Эванель решила прогуляться по центру города, пока не открылись магазины. На площади можно было всегда встретить бегунов. Она пристроилась за ними и дошла до «Деликатесных товаров Фреда», где случайно заглянула в окно. Обычно Фред появлялся на работе намного позже, однако сегодня он был уже у себя в лавке, в одних носках, доставал из холодильника для молочных продуктов банку с йогуртом. Его измятая одежда недвусмысленно свидетельствовала о том, что ночевал он на работе. Судя по всему, вино из розовой герани не подействовало на Джеймса или Фред в конце концов решил не использовать его. Иногда люди,

прожившие друг с другом много времени, считают, что раньше все было лучше, хотя на самом деле это не так. Воспоминания, даже мрачные, со временем начинают казаться светлее.

Фред с Джеймсом были идеальной парой, все это знали. Их однополый союз перестал вызывать осуждение давным-давно, когда стало ясно, что они настоящие неразлучники, как обычно говорили лишь об очень пожилых супругах. Эванель знала Фреда. Она знала, как важно для него, что скажут люди. В этом отношении он был совершенно как его отец, хотя сам он ни за что не согласился бы с этим. Стоило кому-то выразить ему неодобрение, как он из кожи вон лез, наизнанку готов был вывернуться, лишь бы снова не подвергнуться критике. Он костыми бы лег, чтобы только никто не узнал, что у него нелады с Джеймсом. Он ведь был настоящий неразлучник. Ему нужно было оправдывать ожидания.

Эванель понимала, что лучше уйти, но потом решила немного подождать, не даст ли знать о себе ее внутренний голос. Она смотрела на Фреда, но ничего такого не чувствовала. Если ей и хотелось что-то дать ему, то это совет, а их люди в массе своей не склонны воспринимать слишком серьезно. Эванель не была ни такой загадочной, ни такой умной, как ее родственницы Уэверли, жившие в большом доме на Пендленд-стрит. Зато у нее был дар предугадывать события. С самого раннего детства она приносила матери тряпку задолго до того, как та проливала молоко, закрывала окна, когда ничто еще даже не предвещало грозу, и предлагала проповеднику пастилку от кашля перед тем, как его настигал приступ кашля во время проповеди.

Когда-то давно Эванель была замужем. Со своим будущим мужем она познакомилась, когда им обоим было по шесть лет. В тот день она дала ему маленький черный камешек, который нашла на дороге незадолго до того. В ту же ночь он запустил этим камешком в окно ее спальни, чтобы привлечь ее внимание, и с тех пор они были неразлучны. Спустя тридцать восемь лет брака, на протяжении которых ее ни разу не посещало желание дать ему еще что-то, она вдруг почувствовала настоятельную необходимость купить мужу новый костюм. Не сделай она этого, его не в чем было бы хоронить, когда неделю спустя он вдруг скоростижно скончался. Она старалась не слишком задумываться о своем даре, иначе ее начинала разбирать злость, что она не знает, зачем окружающим все эти вещи. Порой по ночам, когда дом казался особенно пустым, она спрашивала себя, что было бы, не купи она тогда своему мужу тот злополучный костюм.

За окном магазина Фред подошел к стойке с принадлежностями для пикника, открыл коробку с одноразовой посудой, достал оттуда пластиковую ложку и распечатал свой йогурт. Ей и в самом деле следовало бы уйти, но тут она подумала, как здорово было бы жить в продовольственном магазине, а лучше в «Уолмарте», а еще лучше – в крупном торговом центре, потому что там можно спать на кровати в отделе постельного белья, а питаться в каком-нибудь из многочисленных кафе. Внезапно она поняла, что Фред застыл на месте с пластиковой ложкой во рту и смотрит на нее из окна.

Она улыбнулась и помахала ему рукой.

Фред подошел к двери и отпер ее.

– Вам что-то нужно, Эванель? – спросил он, выйдя на порог.

– Нет-нет. Я просто проходила мимо и увидела тебя.

– Вы что-то хотите мне дать? – спросил он.

– Нет-нет.

– А-а, – протянул он таким тоном, как будто на самом деле хотел, чтобы она дала ему что-то, нечто такое, что мигом все бы исправило.

Но Эванель придерживалась мнения, что отношения – дело сложное и волшебного средства для их улучшения не существует. Фред огляделся по сторонам, как будто хотел убедиться, что никто их не заметил, потом наклонился вперед и прошептал:

– Вчера и позавчера я просил его вернуться пораньше, но он вообще не пришел домой ночевать. Я не знаю, куда себя девать, когда его нет дома, Эванель. Он так хорошо умеет принимать решения. Вчера вечером я даже не смог сообразить, когда мне ужинать. Если бы я поужинал слишком рано, а он пришел домой, то я не смог бы поужинать вместе с ним. Но если бы я прождал слишком долго, то есть было бы уже поздно. А сегодня в два часа ночи мне пришло в голову, что нужно все подготовить, чтобы можно было сделать завтрак, если он вдруг придет. Это был бы красивый жест, верно? Ну вот, я пришел сюда за

продуктами, но Джеймс обычно оставляет мне список покупок, так что я не знал, что взять. Я подумал, вдруг он не захочет грейпфрут? Вдруг я выберу сорт кофейных зерен, который он не любит? В конце концов я уснул на диванчике у себя в кабинете. Я просто не понимаю, что я делаю.

Эванель покачала головой.

– Ты тянешь кота за хвост, вот что ты делаешь. Надо – значит надо. Если будешь оттягивать, станет только хуже. Уж поверь мне.

– Я пытаюсь, – сказал Фред. – Я купил у Клер вино из розовой герани.

– Я имею в виду, что ты должен поговорить с ним. Не жди, пока он придет домой. Позвони ему и спроси о том, что тебя волнует. Прекрати откладывать этот разговор. – На лице у Фреда появилось упрямое выражение, и Эванель рассмеялась. – Понятно. Ты еще не готов. Может быть, вино подействует, если ты сможешь сделать так, чтобы он его выпил. Но что бы ты ни решил предпринять, пожалуй, стоит для начала надеть ботинки.

Фред опустил глаза на свои босые ноги, помертвел и бросился обратно в магазин.

Эванель со вздохом пошла дальше, заглядывая в окна. Большинство бегунов уже разошлись, так что, пожалуй, можно было вернуться домой и привести себя в порядок, перед тем как отправиться повидать Сидни. Когда вчера вечером Клер позвонила рассказать о приезде сестры, в голосе у нее звучали панические нотки, хотя она очень старалась скрыть их. Эванель успокоила ее и пообещала, что все будет хорошо. Возвращение домой – это благо, сказала она. Дом есть дом.

Эванель миновала салон красоты «Уайт дор», куда женщины, у которых было слишком много свободного времени и денег, ходили делать по бешеным ценам стрижки и массаж горячими камнями, и остановилась перед входом в «Максин», дорогуший магазин одежды, куда посетительницы «Уайт дор» имели обыкновение заглядывать после того, как со стрижкой и массажем было покончено. Там в витрине висела строгая шелковая блузка.

Эванель вошла в магазин, хотя таблички «Открыто» на двери еще не было. Ее дар был как зуд, как пчелиное жало, засевшее где-то глубоко внутри, и зуд этот не утихал, пока она не делала то, чего требовал от нее внутренний голос.

А он вдруг ни с того ни с сего настойчиво потребовал, чтобы Эванель купила Сидни эту блузку.

* * *

Сидни проснулась, как от толчка, и взглянула на часы. Она же не собиралась спать. Она поплелась в ванную и попила воды из-под крана, потом умылась.

Из ванной она отправилась в комнату Бэй, но девочки там не оказалось. Однако постель была заправлена, а на подушках сидели ее любимые мягкие игрушки. Сидни пошла по коридору, заглядывая во все комнаты подряд, потом сбежала по лестнице, пытаясь обуздать нарастающую панику. Куда подевалась Бэй?

Она вошла в кухню и остановилась как вкопанная.

Она очутилась на небесах. И бабушка была где-то рядом, в каждом запахе.

Пахло душистой сдобой.

Пряными травами.

Свежими дрожжами.

Так пахло при бабушке Уэверли. В детстве Клер всегда находила предлог, чтобы выдворить маленькую Сидни из кухни, и та сидела под дверями и слушала, как булькают в кастрюльках соусы, что-то шипит в сотейниках, звякают сковороды и о чем-то негромко переговариваются между собой бабушка Уэверли с Клер.

На большом разделочном столе из нержавеющей стали посреди кухни стояли две большие миски, одна доверху наполненная лавандой, другая – листьями одуванчика. На столах поменьше остывал свежее испеченный хлеб. Бэй стояла на стульчике у стола в дальнем углу и под руководством тетки кисточкой

осторожно покрывала лепестки аютиных глазок яичными белками. Затем Клер брала цветки и один за другим аккуратно обмакивала в сахарную пудру, после чего укладывала на противень.

– Как вы умудрились за пару часов наготовить такую уйму всего? – изумилась Сидни, и Клер с Бэй обернулись на ее голос.

– Привет, – сказала Клер, настороженно поглядывая на сестру. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Мне просто нужно было немного вздремнуть.

Бэй соскочила со стульчика и, подбежав к матери, обняла ее. На ней был голубой фартук с белой эмблемой «Уэверли. Организация банкетов», волочившийся по полу.

– Я помогаю Клер засахаривать аютины глазки. Она потом будет украшать ими корзиночки с кремом. Иди посмотри.

Она побежала обратно к своему стульчику.

– Немного попозже, солнышко. Пойдем выгрузим из машины наши вещи и не будем мешать тете Клер работать.

– Мы с Бэй перенесли все еще вчера, – сказала Клер.

Сидни снова взглянула на часы.

– Как это? Я проспала всего два часа.

– Вы приехали вчера утром. Ты проспала двадцать шесть часов.

Сидни поперхнулась и присела на край кухонного стола, чтобы не упасть. Она что, оставила дочь без присмотра на двадцать шесть часов? Что Бэй рассказала Клер о Дэвиде? Позаботилась ли ее сестра о Бэй? Уложила ли она ее спать, или малышка всю ночь лежала без сна, сжавшись в комочек, перепуганная и одинокая, в своей комнате в незнакомом доме?

– Бэй...

– ...помогала мне, – сказала Клер. – Она не слишком разговорчива, но схватывает все на лету. Вчера мы весь день стряпали, потом вечером я выкупала ее в ванне и уложила спать. А утром мы снова принялись за стряпню.

Неужели Клер решила, что ее сестра плохая мать? Это было единственное, чем она могла гордиться, и вот пожалуйста, она сама все испортила. А все этот город. Здесь она никогда не знала точно, кто она такая.

– Выпей кофе, – предложила Клер. – Эванель сказала, что сегодня зайдет повидать тебя.

– Оставайся, мамочка. Посмотри, как я умею.

«Возьми себя в руки», – приказала она себе.

– Ладно, солнышко. Я никуда не иду. – Она подошла к кофейнику и налила себе кофе. – Как поживает Эванель?

– У нее все в порядке. Ей не терпится тебя увидеть. Попробуй хлеб с лавандой. Мы с Бэй уже начали вон тот, крайний. А тут масло с травами.

Клер беспокоилась о ней? За прошедшие годы она много думала о старшей сестре. В основном это были мысли о том, какой авантюрный характер у нее самой и как жалка бедняжка Клер, у которой не хватает духу ни на что большее, чем сидеть дома, в унылом Бэскоме. Это было жестоко, но от этих мыслей ей становилось легче, потому что она всегда завидовала умению Клер довольствоваться тем, кто она есть. Клер так радовалась, когда Сидни уехала. Теперь же она тревожилась за сестру. Кормила ее. Сидни попыталась резать хлеб не торопясь, но так проголодалась, что в конце концов просто оторвала кусок руками. Она намазала ломоть хлеба маслом с травами и закрыла глаза. После третьего куска она принялась расхаживать по просторной кухне.

– Ничего себе. Я и не подозревала, что ты такое умеешь. Это все по бабушкиным рецептам?

– Кое-что. Киш[1 - Киш – открытый пирог, чаще всего с основой из песочного теста и начинкой из яиц, сливок и сыра с разными добавками.] с одуванчиком и лавандовый хлеб.

– В детстве ты не позволяла мне даже глазком на них глянуть.

Клер отвернулась от стола и обтерла руки о фартук.

– Послушай, завтра в Хикори большой банкет. Я уже позвонила двум девушкам, которые иногда помогают мне летом, но если тебе нужны деньги, я могу взять в помощницы тебя.

Сидни как-то странно посмотрела на сестру.

– Ты хочешь, чтобы я помогала тебе?

– Обычно я управляюсь одна, но на крупные мероприятия приходится нанимать кого-нибудь в помощь. Ты ведь не уедешь до завтра?

– Разумеется, нет, – ответила Сидни. – А что? Ты мне не веришь?

– Пока ты здесь, ты могла бы работать у меня на подхвате.

– По-моему, совершенно очевидно, что мне нужны деньги.

Клер еле заметно улыбнулась, и это обрадовало Сидни: между ними протянулась тонкая ниточка.

Воодушевленная, она дружески поинтересовалась:

– Расскажи мне об этом... о Тайлере.

Клер опустила глаза и отвернулась.

– О чем именно?

- Он сегодня заходил?

- Он не заходит сюда каждый день. Вчера заглянул впервые. Принес яблоки, которые упали на его участок.

- Ты их закопала?

- Мы всегда закапываем яблоки, которые падают с яблони, - ответила Клер, и Бэй с любопытством поглядела на тетку.

Сидни охватил страх, ей захотелось оградить дочь от этого знания. Она никогда больше не будет как все; Сидни променяла эту возможность на безопасность. И как прикажете рассказывать ребенку, пусть даже такому, как Бэй, о подобных вещах?

- Вернемся к Тайлеру, - произнесла Сидни, пока Бэй не начала задавать вопросы. - Он женат?

- Понятия не имею.

Клер взяла противень с анютиными глазками и поставила его в чуть теплую духовку.

- Он тебе нравится?

- Нет! - отрезала Клер с горячностью школьницы.

- Его место здесь, - заявила Бэй.

Клер взглянула на девочку.

- Такая уж у меня дочь, - сказала Сидни. - Она всегда имеет твердое мнение относительно того, где чье место.

- Вот оно что... Я попросила ее дать мне вилку, и она направилась напрямиком к нужному ящику. Когда я спросила, как она узнала, где лежат вилки, она сказала,

что там их место.

Клер задумчиво поглядела на Бэй.

– Нет, – произнесла Сидни. – Это не оно. Не навязывай ей это.

– Я и не навязывала. – Клер, похоже, была задета. – И тебе тоже никто ничего не навязывал. Наоборот, ты сбежала от всего этого так далеко, как только смогла, и никто тебе слова поперек не сказал.

– Весь город навязывал мне эту роль! Я пыталась быть как все, но мне не давали!

Кастрюли, висевшие на перекладине над разделочным столом в центре кухни, начали тревожно раскачиваться, точно старуха, ломающая руки. Сидни посмотрела на них и тяжело вздохнула. Она и забыла, каким чутким мог быть этот дом, как дрожали под ногами половицы, когда кто-то выходил из себя, как распахивались окна, когда все дружно начинали смеяться.

– Прости. Я не хочу ругаться. Чем я могу тебе помочь?

– Пока что ничем. Бэй, ты тоже можешь идти. – Клер развязала фартук и сняла его с девочки. – У тебя есть черная юбка и белая блузка для завтрашнего банкета? – спросила она сестру.

– Блузка найдется, – ответила Сидни.

– Какую-нибудь юбку я тебе одолжу. Тебе когда-нибудь приходилось обслуживать банкеты?

– Да.

– Значит, вот чем ты зарабатывала на жизнь после отъезда? Работала официанткой?

Сидни увела Бэй из кухни. Жизнь в бегах, воровство, мужчины. В этих областях Клер никогда не была сильна. Сидни не собиралась рассказывать сестре о своем

прошлом. Во всяком случае, пока. О таких вещах не откровенничают с кем попало, даже с родной сестрой, если нет уверенности, что она поймет.

- И официанткой тоже.

* * *

В тот же день Сидни сидела на крыльце, а Бэй колесом ходила по двору. На дорожке показалась Эванель, и Сидни улыбнулась. Пожилая дама была в голубом спортивном костюме со своей неизменной объемистой сумкой через плечо. В детстве Сидни любила отгадывать, что в ней, и надеялась, что Бэй тоже это полюбит. В принадлежности к семейству Уэверли было не так много плюсов, но Эванель определенно была одним из них.

Пожилая дама остановилась поболтать с Тайлером - он был у себя во дворе, задумчиво разглядывал большую кучу скошенной травы. Он откровенно скучал, Сидни видела это. Волосы у него были довольно длинные; такая длина, очевидно, была призвана обуздать их природную кучерявость. Это означало, что он натура творческая, но стремится держать свой характер под контролем, а делал он это, весь день перемещая кучу скошенной травы из одного угла двора в другой.

После Дэвида ей даже думать не хотелось о том, чтобы завести отношения с кем-то еще, но, глядя на Тайлера, она испытывала странные чувства. Он был ей не нужен, к тому же его явно тянуло к ее сестре, но сама мысль о достойном мужчине почему-то наполняла ее надеждой. Может быть, не для нее самой, для других. Для больших, чем она, счастливиц.

Как только Эванель распрощалась с Тайлером, Сидни бросилась с крыльца ей навстречу.

- Эванель! - воскликнула она, обнимая пожилую даму. - Клер сказала, что ты собиралась зайти. Ох, до чего же я рада тебя видеть! Ты ни капельки не изменилась.

- Такая же старая.

– Такая же красивая. О чем вы болтали с Тайлером?

– Его зовут Тайлер? Мне показалось, что ему нужны мешки для травы. К счастью, у меня с собой оказалось несколько штук. Он так мило меня поблагодарил. Вот его телефон.

Она сунула Сидни клочок бумаги.

Сидни стало неловко.

– Эванель, я не... мне не хочется...

Пожилая дама похлопала ее по руке.

– О, милочка, я не знаю, что ты должна с ним сделать. Знаю только, что нужно было отдать его тебе. Я вовсе не пытаюсь заниматься сводничеством.

Сидни рассмеялась. Какое облегчение.

– У меня для тебя есть еще кое-что.

Эванель порылась в сумке и протянула Сидни пакет с эмблемой шикарного магазина на площади. Сидни отлично его помнила. Ее одноклассницы, у которых были богатые родители, одевались в «Максин». Сидни вкалывала все летние каникулы, чтобы тоже иметь возможность купить себе что-нибудь в этом магазине, чтобы выглядеть как одна из их круга. Она открыла пакет и вытащила нарядную блузку из голубого шелка. Блузка была размера на три ей велика, но у нее уже давным-давно не было такой роскошной вещи – с тех самых пор, как она прикарманила деньги того приятеля, который промышлял угоном машин, и целый год на них жила. У Дэвида деньги были, но он не относился к числу тех, кто любит дарить подарки, и никогда не был щедр на похвалы, угрызения совести и извинения.

Сидни села на крыльцо, поднесла блузку к носу и вдохнула ее восхитительный запах, запах дорогого магазина. Пахло папиросной бумагой и английскими духами.

– Она очень красивая.

Эванель опустилась на ступеньку рядышком с Сидни и снова принялась рыться в сумке.

– Она слишком большая, я знаю. Вот чек. Утром я прогуливалась по центру в поисках симпатичных мужских задниц. По пути мне попался «Максин», я подумала о тебе и поняла, что должна купить ее тебе. Эту блузку. Такого размера.

К ним подошла Бэй и робко погладила нежный шелк.

– Эванель, это моя дочь Бэй.

Пожилая дама потрепала девочку по подбородку, и та прыснула.

– Ну вылитая ваша бабушка в детстве. Та тоже была темноволосая и голубоглазая. Уэверли, что ни говори.

Сидни прижала Бэй к себе. Никакая она не Уэверли.

– Клубничные тартинки – ее любимое лакомство. Спасибо тебе.

– Приятно, когда вещи оказываются кстати. – Она похлопала Сидни по коленке. – А где Клер?

– На кухне, готовится к банкету.

– Ты будешь ей помогать?

– Да.

Сидни почувствовала на себе пронизательный взгляд Эванель. Она всегда любила пожилую даму. Какой ребенок не любит бабушку, которая дарит подарки? Но ей всегда казалось, что Клер лучше понимает Эванель.

– Запомни то, что я тебе скажу. Клер ненавидит просить.

Бэй убежала обратно во двор и принялась снова делать колесо, красуясь перед ними. Они похвалили девочку. Эванель немного помолчала, потом добавила:

– Это нелегко – просить о помощи. У тебя хватило храбрости приехать сюда. Я горжусь тобой.

Сидни встретила с пожилой дамой взглядом и увидела, что та все понимает.

* * *

Было пять часов вечера пятницы, когда Клер с Сидни и Бэй вернулись домой из Хикори, где проходил банкет. Бэй уснула по дороге. Сидни боялась, что Клер будет недовольна присутствием племянницы, но та не сказала ни слова поперек, когда Сидни заикнулась, что пока не хочет оставлять дочку с Эванель. Они прожили в городе всего три дня, и она не могла оставить девочку одну в незнакомом месте. «Разумеется, – ответила Клер. – Она поедет с нами». И все.

Бэй была на седьмом небе от счастья. Пожилые дамы из Ассоциации любителей ботаники млели от нее, и каждый раз, когда Клер с Сидни возвращались на кухню, закончив собирать грязные тарелки или наполнять опустевшие бокалы, они обнаруживали, что девочка привела помещение в порядок или разобрала содержимое переносных холодильников с присущим ей инстинктивным умением угадывать место каждой вещи.

Сидни отнесла дочку наверх и уложила в кровать, потом включила напольный вентилятор, который Клер принесла с чердака, потому что в доме стремительно утверждалось лето, наполняя комнаты жарой. Потом она переделалась в шорты с футболкой, полагая, что Клер сделает то же самое перед тем, как разгружать вещи из фургона.

Но когда Сидни спустилась обратно на первый этаж, оказалось, что Клер уже успела перенести все на кухню и загрузить посудомоечную машину, а теперь засыпала графины содой и заливала горячей водой, чтобы отмокли. Она была в той же блузке и юбке, поверх которых был повязан тот же самый синий фартук.

– Я хотела тебе помочь, – сказала Сидни.

Клер, похоже, удивилась ее появлению.

– Я сама справлюсь. Когда я нанимаю подручных, они помогают только обслуживать гостей. Можешь отдыхать. Я не знала, что тебе удобнее, чек или наличные, поэтому остановилась на наличных. Конверт вон там.

Она указала на кухонный стол.

Сидни опешила. Она ничего не понимала. Разве день не прошел замечательно? Разве они не отлично работали бок о бок? Угощение пришлось любительницам ботаники по вкусу, и Сидни тоже хвалили за то, как расторопно она справлялась со своей работой. Поначалу она немного нервничала. Раньше, в бытность свою официанткой, она обсчитывала клиентов, недодавала им сдачу. Если ее уличали в нечестности, она улыбалась, строила глазки и всячески старалась замаять неприятное происшествие. На руку ей было и то, что она обыкновенно спала с управляющим заведения, так что он всегда вставал на ее сторону, если жалобщики все же пытались искать справедливости. Она могла обвести вокруг пальца кого угодно. Сидни боялась, что, вернувшись к той же работе, она может вновь вспомнить те дни и опять возьмется за старое. Но ничего такого не произошло. Работать честно и усердно оказалось на удивление приятно. И вспоминалось ей, пожалуй, лучшее время в ее жизни, когда она работала в салоне красоты в Бойсе. Ей вспоминалось, как гудели у нее ноги, как сводило руки и как срезанные волосы забивались под одежду и кололись, вызывая зуд. Все это ей нравилось.

А теперь Клер заявляет, что больше не нуждается в ее помощи. Сидни осталась стоять на месте, а Клер продолжала работу. И что ей делать? Она сойдет с ума, если будет сидеть без дела и лишь время от времени помогать Клер на выезде. Та не позволяла ей даже хлопотать по хозяйству.

– Может, тебе чем-нибудь помочь?

– Да я уже почти все сделала. Я привыкла.

Ни слова не говоря, Сидни взяла конверт с деньгами и через черный ход вышла во двор к своему «субару». Она прислонилась к машине и пересчитала деньги.

Клер не поспешила. Можно было куда-нибудь съездить и на что-нибудь потратить эти деньги. Наверное, Клер этого от нее и ожидала. Заправить машину. Повидаться к кем-нибудь.

Но у нее не было номеров, и ее могли остановить.

И потом, ей решительно никого не хотелось видеть.

Сидни сложила конверт пополам и сунула в задний карман шорт. Возвращаться в дом и смотреть, как Клер работает, ей не хотелось, и она медленно пошла по дорожке, поддавая ногами гравий, который, наверное, Клер потом будет тщательно разравнивать граблями, чтобы привести все в первоначальный вид.

Она обошла дом и взглянула на участок Тайлера. Его джип стоял у обочины. Повинуясь какому-то порыву, Сидни пересекла двор и поднялась на его крыльцо. Она постучала в дверь и стала ждать. Никто не открывал, и она глубже засунула руки в карманы. Может, он уснул? Тогда придется возвращаться обратно домой.

Но тут она услышала шаги и улыбнулась, вытащила руки из карманов. Тайлер открыл дверь. Он был в заляпанных краской джинсах и футболке, и вид у него был слегка взъерошенный и какой-то растерянный, как будто он постоянно недоумевал, куда подевалось время.

– Привет, – произнесла она после того, как он несколько секунд в замешательстве смотрел на нее. – Я Сидни Уэверли, ваша соседка.

Он наконец улыбнулся.

– Ах да. Я вспомнил.

– Я решила зайти поздороваться.

Он заглянул сначала куда-то ей за спину, потом покосился в сторону, а под конец высунулся за дверь и посмотрел на дом Уэверли. Сидни поняла, кого он ищет, и удивилась, каким образом ее сестрице удалось так охмурить этого бедолагу. Может, у него слабость к маньячкам, помешанным на порядке?

– Я без Клер.

На его лице отразилось разочарование.

– Прошу прощения, – сказал он, отступая в сторону. – Проходите, пожалуйста.

В детстве ей несколько раз доводилось бывать в этом доме, когда еще жива была старая миссис Сандерсон. С тех пор тут многое переменялось. Стало светлее, да и пахло теперь куда как лучше: старая миссис Сандерсон была страстной кошатницей. В гостиной появился симпатичный красный диван и несколько уютных кресел, однако все они были расположены в странных местах, как будто остались стоять там, куда при переезде поставили грузчики. К стенам были прислонены картины, которые требовалось обрамить, повсюду громоздились картонные коробки.

– Я не знала, что вы только что переехали.

Он взъерошил волосы.

– Я переехал с месяц назад. Все никак не могу разобрать вещи. Сколько сейчас времени? Пошел на кухню, взялся за кисти и позабыл обо всем на свете.

– Самое начало шестого. И в какой цвет вы красите кухню?

Он со смехом покачал головой.

– Нет-нет. Это не те кисти. Я рисовал. На кухне у меня мольберт.

– А-а, так вы художник.

– Я преподаю изобразительное искусство в Орионовском колледже. – Тайлер переложил стопку газет со стула на пол. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Давно вы в Бэскоме? – спросила она, устраиваясь на стуле.

– Около года.

Он огляделся в поисках еще одного места, куда можно было бы присесть, снова провел рукой по волосам, убирая их со лба.

- Знаете что? Я могла бы вас подстричь, если хотите.

Он снова взглянул на нее с досадой.

- Я все время забываю подстричься. А что, вы правда могли бы?

- Перед вами дипломированный парикмахер.

- Понятно. Было бы здорово. Спасибо. - Он переставил коробку с дивана на пол и сел. - Я рад, что вы зашли. Я ведь пока толком никого здесь не знаю. Ну, разве что миссис Крановски, которая по полдня гоняется по округе за своим псом.

- Миссис Крановски я помню. Ей же небось уже лет сто?

- Для своего возраста она на удивление проворна.

Сидни засмеялась и мысленно похвалила себя за хорошую идею.

- Завтра же приду к вам с ножницами и всем, что нужно для стрижки. Не возражаете, если я прихвачу с собой дочку?

- Ну что вы.

Сидни изучающе поглядела на него.

- Значит, вам нравится моя сестра.

Это замечание застало Тайлера врасплох, но, похоже, ему и в голову не пришло уклониться от ответа.

- Вы из тех, кто говорит без обиняков, да? Я почти не знаю вашу сестру. Но я... да, она мне нравится. Она меня... завораживает.

Он наклонился вперед, упершись локтями в колени, и улыбнулся, открыто и восхищенно. Улыбка была настолько заразительной, что Сидни улыбнулась в ответ.

– Я даже видел ее во сне. Со мной никогда раньше не случилось ничего подобного. У нее были короткие волосы и такой ободок на голове... – Он запнулся и откинулся назад. – Пожалуй, лучше мне умолкнуть, пока вы не сочли меня совсем ненормальным.

Он вовсе не казался ей ненормальным. Он казался славным, таким славным, что Сидни даже чуть-чуть позавидовала сестре.

– Вот и моей дочери она тоже нравится.

– Судя по всему, вы от этого не в восторге.

– Нет, я не совсем так выразилась, – вздохнула Сидни. – Просто я этого не ожидала. В детстве мы с Клер вечно ссорились. Думаю, мы обе вздохнули с облегчением, когда я уехала из города. Она не очень меня любила. Я не думала, что она полюбит Бэй.

– И долго вы были в отъезде?

– Десять лет. Не думала, что я когда-нибудь вернусь. – Она тряхнула головой, как будто отгоняла какие-то мысли. – Ничего, если я буду заходить время от времени? Вам нравится моя сестра, а не я, так что я не настаиваю. Просто мне необходимо иногда вырываться из этого дома. Может, закажем пиццу? Я угощаю.

– Неплохая мысль. По-моему, сегодня я еще ничего не ел. – Тайлер задумчиво поглядел на нее. – Можете заходить в любое время, но только десять лет – немалый срок. Неужели вам не хочется повидать никого из старых друзей?

Старые друзья. Она чуть не рассмеялась. Двуличные бесхребетные предатели. Нет уж, спасибо.

– Нет. Я же говорила, что не собиралась возвращаться.

– Сожженные мосты? – проницательно спросил Тайлер.

А он, оказывается, был не настолько рассеян, как могло показаться по его образу жизни.

– Что-то в этом роде.

Глава 4

А в это время на другом конце города Эмма Кларк, собиравшаяся на благотворительный бал, даже не подозревала, что ее мир готов полететь в тартарары. Напротив, она с нетерпением ждала этого вечера, в очередной раз предвкушая всеобщее восхищение.

В семействе Кларк все женщины обожали быть в центре внимания. В особенности мужского. И без труда его получали, учитывая, что об их искушенности в любви ходили легенды. И замуж они всегда выходили удачно.

Муж Эммы Кларк, Хантер-Джон Мэттисон, был самой завидной партией в городе, и все это знали. Он был общителен, красив, атлетически сложен и к тому же являлся наследником семейной империи по производству сборных домов. Мать Эммы, будучи женщиной прозорливой, решила, что ее дочь станет женой Хантера-Джона, едва они оба вышли из младенческого возраста. Их семьи вращались в одних и тех же кругах, так что внедрить эту мысль в сознание окружающих и свести детей было несложно. Однажды летом, когда Эмме и Хантеру-Джону было по десять лет, их семьи даже провели вместе месяц на Кейп-Мее, и мать Эммы не упускала возможности при каждом удобном случае обратить внимание присутствующих на то, как мило они смотрятся вдвоем.

Единственная загвоздка заключалась в том, что, вопреки всем ухищрениям ее матери, несмотря на ее красоту и положение в обществе, несмотря на то, что она с пятнадцати лет ублажала парней под трибунами стадиона и что ни один мужчина в здравом уме не отказался бы от нее, все старшие классы Хантер-Джон был безнадежно влюблен в Сидни Уэверли.

О, он понимал, что не должен с ней связываться. Люди их круга не общались с Уэверли. Но все его друзья были в курсе, что он без ума от Сидни, такими глазами он смотрел на нее и такой подростковый трагизм порой сквозил в его действиях, так ясно давал он понять всем окружающим, что жизнь его без любви не имеет смысла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Киш – открытый пирог, чаще всего с основой из песочного теста и начинкой из яиц, сливок и сыра с разными добавками.

Купить: https://telnovel.com/allen_sara/sadovye-chary

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)